

**ИНСТИТУТ
СТРАН
АЗИИ И АФРИКИ**
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

**ПРОГРАММА И ТЕЗИСЫ
XXX Международной научной
конференции «Дмитриевские чтения»**

7 апреля 2023 года, Москва

Кафедра тюркской филологии

*К 30-летию проведения
Международной научной конференции
«Дмитриевские чтения»*

*К 80-летию учреждения
кафедры тюркской филологии
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

*К 100-летию образования
Турецкой Республики*

*Türkiye Cumhuriyeti'nin
kuruluşunun 100. yıldönümü
münasebetiyle*

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

- 11.00 – 13.00** – пленарное заседание (ауд. 167)
13.00 – 13.45 – обед (столовая ИСАА, ауд. 167)
13.45 – 16.15 – работа по секциям (ауд. 167, 149, 337)
16.15 – 16.45 – кофе-брейк (столовая ИСАА)
16.45 – 18.00 – работа по секциям (ауд. 167, 149, 337)
18.00 – 18.15 – кофе-брейк (по секциям)
18.15 – 19.15 – работа по секциям (ауд. 167, 149, 337)
19.15 – 20.00 – подведение итогов конференции, фуршет (ауд. 167)

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ (11.00 – 13.00, АУД. № 167)

11.00 – 11.15: Приветственное слово Председателя оргкомитета конференции, заведующего кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова д.ф.н., доцента М.М. Репенковой.

11.15 – 11.30: Представление коллективного труда «Тюркские языки и литературы в исторической перспективе. Коллективная монография / отв. ред. Е.А. Оганова» (М., 2022) – зам. заведующего кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ф.н., доцент Е.А. Оганова.

11.30 – 11.45: **Аргуншах Мустафа** – д.ф.н., профессор Эрджиевского университета (г. Кайсери, Турция)

Codex Cumanicus 'un Türk Dili İçin Önemi (онлайн-участие)

11.45 – 12.00: **Кызласов Игорь Леонидович** – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (г. Москва)

Почитание тюркских мемориалов в VIII–X вв. Эпиграфические свидетельства

12.00 – 12.15: **Фомин Эдуард Валентинович** – к.ф.н., доцент Чувашского государственного института культуры и искусств (г. Чебоксары)

Функционирование чувашских глаголов в чебоксарском региолекте русского языка

12.15 – 12.30: **Боргоякова Татьяна Николаевна** – д.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования РАНХиГС при Президенте РФ (г. Москва)

О взаимодействии временных форм и аналитических конструкций в языках Южной Сибири

12.30 – 12.45: **Дубровина Маргарита Эмильевна** – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Сулейманова Алия Сократовна – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

О некоторых орфоэпических особенностях турецкой речи

12.45 – 13.00: **Софронова Лариса Владиславовна** – к.ф.н., доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД России (г. Москва)

Турецкая обрядовая кухня

Регламент выступления 15 минут

СЕКЦИЯ «ЛИНГВИСТИКА»

ЗАСЕДАНИЕ I (13.45 – 16.15, АУД. № 167)

Модератор: к.ф.н. Телицин Николай Николаевич

13.45 – 14.00: **Фехер Бенце** – д.ф.н., профессор классической филологии Института венгерских исследований (г. Будапешт, Венгрия)

'Turkic' accent – 'Hungarian' accent. Constantine Porphyrogennitus' linguistic data on the diglossy during the Hungarian conquest (онлайн-участие)

14.00 – 14.15: **Жолт Тот** – докторант, младший научный сотрудник Института венгерских исследований (г. Будапешт, Венгрия)

Синтаксическая роль нефинитных глагольных форм турецкого, монгольского и венгерского языков (онлайн-участие)

14.15 – 14.30: **Бурнакова Клара Николаевна** – д.ф.н., доцент, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института

иностранных языков Московского городского педагогического университета (г. Москва)

Статус универсальной постпозитивной частицы в моделировании структурно-семантических типов вопросительного предложения языка

14.30 – 14.45: **Телицин Николай Николаевич** – к.ф.н., доцент, зав. кафедрой тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Несколько замечаний к описанию особенностей тюркских языков (Стоит ли нам создавать «новую грамматику тюркских языков»?)

14.45 – 15.00: **Шамина Людмила Алексеевна** – д.ф.н., главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск)

Динамика соотношения аналитических и синтетических бипредикативных конструкций в тувинском языке (онлайн-участие)

15.00 – 15.15: **Лебедев Эдуард Евгеньевич** – к.ф.н., ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

Об аффиксальном словообразовании имен существительных в чувашском языке

15.15 – 15.30: **Субраков Александр Дмитриевич** – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра национальных проблем образования ФИРО РАНХиГС (г. Москва)

Лексема «харах» в фольклорных произведениях хакасского народа (на примере героического сказания «Албынжи»)

15.30 – 15.45: **Мызников Сергей Алексеевич** – д.ф.н., главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, чл.-корр. РАН (г. Москва)

Лексика финно-угорского и тюркского происхождения в русских говорах Среднего Поволжья (проблемы разграничения)

15.45 – 16.00: **Самситова Луиза Хамзиновна** – д.ф.н., главный научный сотрудник Института стратегических исследований РБ (г. Уфа)

Концепт «язык» в стихотворениях Рами Гарипова и его лексическая интерпретация

16.00 – 16.15: **Мухтаров Тимур Гаязович** – к.соц.н., научный сотрудник Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа)

Материалы лингвистических экспедиций 20–30 годов XX в. как источник по исторической социолингвистике башкирского языка

Регламент выступления 15 минут

ЗАСЕДАНИЕ II (16.45 – 19.15, АУД. № 167)

Модератор: к.ф.н. Напольнова Елена Марковна

16.45 – 17.00: Шаммаева Нарбибиш Шамурадовна – д.ф.н., доцент кафедры романо-германских языков и литературы с их методикой преподавания Туркменского государственного педагогического института имени Сейитназара Сейди (г. Ашхабад, Туркменистан)

Выражение «недомогания» в туркменском языке (онлайн-участие)

17.00 – 17.15: Хаджиева Танзиля Мусаевна – к.ф.н., ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН (г. Москва)

Участие проф. Н.К. Дмитриева в научных экспедициях Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С.М. Кирова

17.15 – 17.30: Язмурадов Агамамед Пащакулиевич – к.ф.н., старший преподаватель кафедры русского языка и литературы с методикой их преподавания Туркменского государственного педагогического института имени Сейитназара Сейди (г. Ашхабад, Туркменистан)

О древнетюркском происхождении гидронима и топонима «Амуль» (Амударья) (онлайн-участие)

17.30 – 17.45: Напольнова Елена Марковна – к.ф.н., доцент, старший преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Функции турецких демонстративов в тексте художественного произведения

17.45 – 18.00: Бекджаев Тагандурды Бекджаевич – к.ф.н., председатель центра «Язык и литература», старший преподаватель Туркменского государственного университета имени Махтумкули (г. Ашхабад, Туркменистан)

Роль фразеологизмов в изучении истории туркменского языка (онлайн-участие)

18.15 – 18.30: Кадырова Ольга Михайловна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва)

Сериальные глагольные конструкции турецкого языка

18.30 – 18.45: **Нурмухаммедов Аманмухаммед** – к.ф.н., главный научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Н.К. Дмитриев и вопросы туркменской фонетики (онлайн-участие)

18.45 – 19.00: **Глашев Ахмед Алабиевич** – соискатель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Уйгурские юридические документы как источник для древнетюркского словаря

19.00 – 19.15: **Верхова Ксения Александровна** – аспирант, переводчик кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Обороты цели в турецких СМИ: диахронический аспект

Регламент выступления 15 минут

ЗАСЕДАНИЕ III (13.45 – 16.15, АУД. №149)

Модератор: к.ф.н. Оганова Елена Александровна

13.45 – 14.00: **Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович** – д.ф.н., профессор Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова (г. Каракол, Кыргызстан)

Турганбаева Бактыгуль Накытбековна – аспирант Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова (г. Каракол, Кыргызстан)

Причастно-последовые конструкции в уйгурском языке (онлайн-участие)

14.00 – 14.15: **Учгюль Севинч** – д.ф.н., профессор Эрджиевского университета (г. Кайсери, Турция)

Гибаева Мария Андреевна – магистрант Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Проблемы перевода фразеологизмов с турецкого на русский язык в общественно-политических текстах

14.15 – 14.30: **Нуриева Фануза Шакуровна** – д.ф.н., профессор Казанского федерального университета, Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань)

Функционирование теонимов в произведении Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» (1358)

14.30 – 14.45: **Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна** – д.ф.н., профессор, заведующая отделом языкознания, научный руководитель Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, член-корреспондент АН РБ (г. Уфа)

Мифологическая лексика башкирского языка в «Башкирско – русском словаре» В.В. Катаринского

14.45 – 15.00: **Юсупова Альфия Шавкетовна** – д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского федерального университета (г. Казань)

Словарь Ахмеда Вефика-паши «Лехче-и Османи»

15.00 – 15.15: **Кириллова Зоя Николаевна** – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского федерального университета (г. Казань)

Чувашские заимствования у молькеевских кряшен

15.15 – 15.30: **Мугтасимова Гульназ Ринатовна** – к.ф.н., доцент Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (г. Казань)

Репрезентация бинома «счастье – несчастье» в паремиологическом фонде татарского языка (онлайн-участие)

15.30 – 15.45: **Сибгатов Флюр Шарифуллинович** – к.ф.н., заведующий отделом рукописей и редких изданий Национальной библиотеки имени А.-З. Валиди РБ (г. Уфа)

Учебники и учебные пособия по башкирскому языку, изданные в 1920–1930 годы (онлайн-участие)

15.45 – 16.00: **Хабибуллина Эльмира Камилевна** – к.ф.н., доцент, декан Высшей школы международных отношений и востоковедения Казанского федерального университета (г. Казань)

Генерализация как прием переводческих трансформаций при переводе художественной литературы на турецкий язык (на примере переводов романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день»)

16.00 – 16.15: **Оганова Елена Александровна** – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Йылмаз Мехтап – к.ф.н., старший преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Лексемы «человек» и «личность» в турецком и русском языке как объект двустороннего перевода

ЗАСЕДАНИЕ IV (16.45 – 19.15, АУД. №149)

Модератор: к.ф.н. Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна

16.45 – 17.00: Джураева Бибиш Мухсиновна – д.ф.н., доцент Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан)

Соотношение пословиц и поговорок в узбекском языке

17.00 – 17.15: Псянчин Юлай Валиевич – д.ф.н., профессор, старший научный сотрудник ГАУ «Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан» (г. Уфа)

К вопросу о межстилевом статусе жанра письма (хат) в башкирском языке

17.15 – 17.30: Гочова Огульнабат Сапаргельдыевна – заведующий отделом современного туркменского языка и истории Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Акустическая характеристика гласных фонем туркменского и английского языков (онлайн-участие)

17.30 – 17.45: Шаяхметов Винер Абдульманович – к.ф.н., доцент кафедры башкирского языка и литературы, проректор по учебной и воспитательной работе Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа)

Субконцепт «зеленый цвет (йәшел төҫ)» в башкирском языке (на примере поэзии М. Карима и З. Бишиевой)

17.45 – 18.00: Султанова Гульназ Ильдаровна – заместитель директора по учебной работе Башкирского хореографического колледжа им. Рудольфа Нуреева (г. Уфа)

Развитие речи обучающихся на уроках башкирского языка как государственного в колледже культуры (на примере 6 класса)

18.15 – 18.30: **Таганова Марал Аннаевна** – к.ф.н., главный научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Словообразовательные гнезда слов с семантикой 'плач' в туркменском языке (онлайн-участие)

18.30 – 18.45: **Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна** – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Некоторые особенности графики современных узбеков Афганистана

18.45 – 19.00: **Гылыджов Ата Аннамурадович** – к.ф.н., заведующий отделом лексикографии, терминологии и культуры речи Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Личные имена, связанные с военной лексикой в туркменском языке (онлайн-участие)

19.00 – 19.15: **Гаджиева Анар Ахметбековна** – к.ф.н., доцент Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ (г. Москва)

Определение диалектной принадлежности «Сравнительного словаря всех языков и наречий» П.С. Палласа (на материале казахского языка)

Регламент выступления 15 минут

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ЗАСЕДАНИЕ IV (13.45 – 16.00, АУД. № 337)

Модератор: д.ф.н. Репенкова Мария Михайловна

13.45 – 14.00: **Абидулин Алим Маратович** – к.ф.н., доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Очерк Н.В. Терлецкого «Из Батума в Константинополь» как источник

14.00 – 14.15: **Ахмедова Шоира Нематовна** – д.ф.н., профессор Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан)

Жанры узбекской литературной критики

14.15 – 14.30: **Аргуншах Хюлья Эрайдын** – д.ф.н., профессор Эрджиевского университета (г. Кайсери, Турция)

Kadın edebiyatı kavramı ve Türk edebiyatında kadın yazarlığın başlangıcı
(онлайн-участие)

14.30 – 14.45: **Валеев Рамиль Миргасимович** – д.и.н., профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань)

Валеева Роза Закариевна – к.п.н., доцент, заведующий кафедрой Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань)

Тугужекова Валентина Николаевна – д.и.н., профессор Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, Южносибирского филиала Института истории и материальной культуры РАН (г. Абакан)

Курочкин Руслан Владимирович - аспирант, старший преподаватель Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань)

Профессор Н.Ф. Катанов – тюрколог, путешественник и просветитель (новые архивные документы и фонды): к 160-летию со дня рождения

14.45 – 15.00: **Давронова Шохсанам Гайбуллоевна** – д.ф.н., доцент Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан)

Национальный узбекский роман «Алишер Навои» (онлайн-участие)

15.00 – 15.15: **Пылёв Алексей Игоревич** – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Заметки к переводу поэтического суфийского сочинения Захир ад-дина Мухаммада Бабура “Рисале-и Валидийа” (“Отеческое послание”)

15.15 – 15.30: **Шарипова Лайло Фрунзеевна** – д.ф.н., доцент Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан)

Интерпретация образа реки в фольклоре и письменной узбекской поэзии

15.30 – 15.45: **Кадирова Насима Саидбурхоновна** – к.ф.н., преподаватель Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан)

Edebi eleştiri tarzı hakkında (онлайн-участие)

15.45 – 16.00: **Сыздыкова Жибек Сапарбековна** – д.и.н., профессор Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Динамика религиозно-мифологической системы древних тюрков

16.00 – 16.15: **Репенкова Мария Михайловна** – д.ф.н., доцент, зав. кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Турецкая антиутопия на примере романа Айше Шаса «Бедуинский роман» (2004)

16.15 – 16.30: **Кумманова Гулджемал Назаровна** – заведующий отделом фольклора Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Художественная роль туркменского народного творчества в поэме “Кутадгу Билик” Юсуфа Баласагунлы (онлайн-участие)

Регламент выступления 15 минут

ЗАСЕДАНИЕ V (16.45 – 19.05, АУД. № 337)

Модератор: к.ф.н. Софронова Лариса Владиславовна

16.45 – 16.55: **Джамалова Зилола Низамовна** – исследователь Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан)

Первые формы литературного обзора в узбекской критике (онлайн-участие)

16.55 – 17.05: **Вдовин Сергей Сергеевич** – аспирант Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

К вопросу об особенностях кочевой культуры древних тюрков

17.05 – 17.15: **Мизрабова Жерен Исмаиловна** - к.ф.н., преподаватель Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан)

Лингвокультурологические аспекты трагедии У. Шекспира «Гамлет» в узбекском переводе (онлайн-участие)

17.15 – 17.25: **Пазилов Ержан Джаркинбаевич** – старший преподаватель Южно-Казахстанского университета им. М. Ауезова (г. Шымкент, Казахстан)

Развитие городской культуры Казахстана на Великом Шелковом пути

17.25 – 17.40: **Сибгатуллина Альфина Тагировна** – д.ф.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва)

«Друг Советского Союза» Суат Дервиш (1903-1972) (онлайн-участие)

17.40 – 17.50: **Образцов Алексей Васильевич** – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Сулейманова Алия Сократовна – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Козинцев Марк Альвиевич – младший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург)

Образ бекташи как архетип отрицательного героя в турецкой массовой литературе раннереспубликанского периода

17.50 – 18.00: **Алиева Алла Ивановна** – д.ф.н., профессор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

Тюркские народы Северного Кавказа в «Актах, собранных Кавказскою Археографическою Комиссией» (онлайн-участие)

18.15 – 18.25: **Исаев Мухтар Сейтханович** – старший преподаватель Международного казахско-турецкого университета имени Х.А. Ясави (г. Туркестан, Казахстан)

Историко-мировоззренческие основы функционально-планировочной структуры Мавзолея Ахмада Ясави

18.25 – 18.35: **Гараев Яйлымдурды Назарович** – научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Новая трактовка идей туркменской народной сказки «Бовенджик» (онлайн-участие)

18.35 – 18.45: **Хангельдыева Гулалек Касымовна** – старший научный сотрудник Национального института рукописей АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Зарождение национального танца куштдепди и его совершенствование (онлайн-участие)

18.45 – 18.55: **Семина Анастасия Игоревна** – востоковед-филолог (г. Москва)

Кыта в турецких тезкире 16-19 веков

18.55 – 19.05: **Таганова Айгуль Якубовна** – преподаватель Средней школы № 15 села Бугдайлы этрапа Акбугдай Ахалского велята (Туркменистан)

Значение лингвофольклористики в изучении языка текстов туркменского устного народного творчества (онлайн-участие)

Регламент выступления 10 минут

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ОРГКОМИТЕТА
XXX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ДМИТРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Уважаемые коллеги,

Мы рады приветствовать вас на нашей ежегодной международной конференции «Дмитриевские чтения», традиции которых были заложены профессором кафедры Э.А. Груниной 14-15 октября 1993 г., выступившей на научной конференции «Фундаментальная и прикладная вузовская тюркология: перспективы и направления дальнейшего развития» (ИСАА), приуроченной к 50-летию создания кафедры тюркской филологии в МГУ.

В этом году мы проводим XXX «Дмитриевские чтения» – и это для нас повод для радости и гордости! За тридцать лет многое изменилось как в самом МГУ, так и на кафедре тюркской филологии, однако кафедра по-прежнему остается ведущим мировым тюркологическим центром, в котором каждую первую пятницу октября представители тюркологической науки встречаются на ежегодной международной конференции «Дмитриевские чтения».

Проведение этой конференции неразрывно связано с нашей кафедрой, историю становления и развития которой мы представляем вашему вниманию.

ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ИСАА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Кафедра тюркской филологии была создана в 1943 г. в составе Восточного отделения филологического факультета МГУ, с 1956 г. входит в Институт восточных языков (Институт стран Азии и Африки) МГУ. Основателем кафедры тюркской филологии был выдающийся тюрколог чл.-корр. АН СССР, профессор **Николай Константинович Дмитриев** (1898–1954). Задачей кафедры он считал формирование в Московском университете тюркологической структуры, которая соединила бы фундаментальность университетского и специализированность востоковедного образования.

С его именем связана организация в 1934 г. специального восточного отделения на филфаке МГУ, где сначала преподавались турецкий, арабский и персидский языки, а позже хинди, китайский и пр. Этим отделением он руководил до конца жизни (1954). Таким образом, созданный в 1956 г. на основе восточных отделений исторического и филологического факультетов МГУ Институт восточных языков (ныне ИСАА) имеет прямое отношение к преподавательской и организаторской деятельности Н.К. Дмитриева.

Воспитанник Московского университета (1920) и Московского Института востоковедения (1922), куда поступил сразу на три разряда – турецкий, арабский и персидский, – Н.К. Дмитриев начал свою преподавательскую деятельность в 1925 г. в Ленинградском восточном институте, в том же году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Элементы турецкого языка в сербском фольклоре», начиная с 1926 г. работал и в Ленинградском университете, где его научная и педагогическая деятельность продолжалась около 20 лет.

В МГУ Н.К. Дмитриев начал работать в должности доцента с 1928 г. В 1930 г. Н.К. Дмитриев утвержден в звании профессора тюркских языков, а в 1938 г. ему была присвоена ученая степень доктора филологических наук.

Общие направления научной деятельности Н.К. Дмитриева можно охарактеризовать как: 1. Сравнительная грамматика тюркских языков; 2. Изучение современных тюркских языков Кавказа, Крыма, Поволжья и Приуралья; 3. Проблемы Turco-Slavica; 4. Фольклор тюркских народов. Основными работами ученого являются: «Строй турецкого языка» (1939); «Грамматика кумыкского языка» (1940), «Грамматика башкирского языка» (1948); «Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. (Материалы для научной грамматики)» (1954), «Строй тюркских языков. Сб. избр. трудов» (1962).

В частности, его «Грамматика кумыкского языка» (1940 г.) и «Грамматика башкирского языка» (1948) стала эталоном описания теоретической грамматики тюркских языков. Опираясь на созданный им фонд языковых данных, Дмитриев заложил научные основы сравнительной грамматики тюркских языков. Он следовал взгляду П.М. Мелиоранского, высказанному им в начале XX в., что «создание сравнительно-исторической грамматики является кардинальной задачей тюркского языкознания». В 1950 г. в секторе тюркских языков ИЯ АН СССР под руководством Н.К. Дмитриева был составлен план подготовки сравнительной грамматики тюркских языков. В течение 7 лет были написаны и опубликованы 4 тома коллективного труда «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (1955–1962). Н.К. Дмитриев значительно продвинул теоретическую грамматику тюркских языков, для ряда тюркских языков он впервые дал квалифицированное лингвистическое описание.

Создавая кафедру, Н.К. Дмитриев собрал преподавателей-тюркологов широкого профиля, но с определённой специализацией. **В.М. Насилов** – по центральноазиатской группе языков и древнетюркскому периоду. **Э.В. Севортьян** – по огузским языкам, общей грамматической теории, сравнительной грамматике, этимологии. **Э.Н. Наджип** – по старописьменным литературным языкам, текстологии, **М.И. Богданова** – по

фольклору, **М.С. Михайлов** – по турецкой литературе и турецкому литературному языку.

В последующие годы заведующими кафедры были такие знаменитые отечественные тюркологи, как проф. **В.М. Насилов**, проф. **С.А. Соколов**, проф. **Э.А. Грунина**, проф. **Ю.В. Щека**, проф. **Д.М. Насилов** – благодаря их усилиям за кафедрой тюркской филологии прочно закрепился статус ведущего центра преподавания и исследования тюркских языков и литератур в России.

На преподавание разговорного языка приглашались его носители: **Г.Ш. Шарипов** – узбекский язык, **Дюрдане Хаджи** – турецкий язык, **Салих Хаджи** – турецкий язык, **В.П. Арабаджы** – турецкий и гагазуский языки. При жизни Н.К. Дмитриева на кафедру был приглашен **Ш.С. Айляров** – опытный преподаватель турецкого языка, автор учебника по турецкому языку, по которому занималось не одно поколение тюркологов, он же читал курс по фонетике турецкого языка.

В те годы на кафедре также работал профессор **В.Д. Аракин**, ученик акад. В.А. Гордлевского, лингвист широкого профиля, читавший, в частности, курс «Введение в тюркологию».

Последними кадровыми включениями при жизни Дмитриева были **И.В. Боролина**, **Э.А. Грунина**, **Г.Ф. Благова**. В истории кафедры дмитриевского периода особое место по их вкладу в создание тюркологии в МГУ занимают **В.М. Насилов**, **Э.В. Севортян** и **Э.Н. Наджип**.

Именно **В.М. Насилов** и **Э.Н. Наджип** проводили научные изыскания в области исторического прошлого тюркских языков (древнетюркские письменные памятники, литературные языки Средней и Малой Азии), что стало основой их научной специализации.

Э.В. Севортяну мы обязаны обращением к грамматической теории тюркских языков в ее тесной связи с развитием современной лингвистической мысли; также он известен как автор «Этимологического словаря тюркских народов» (1 т. – 1974, 7 т. – 2003). В настоящее время

готовится к изданию 8 том этого уникального труда, имеющего общемировое значение.

С 1956 по 1970 гг. зав. кафедрой стал профессор **Владимир Михайлович Насилов** (1893–1970) – крупнейший специалист по изучению орхоно-енисейских рунических памятников и древнеуйгурскому языку. Среди его наиболее значительных работ – монографии «Древнеуйгурский язык» (1963), «Язык тюркских памятников уйгурского письма 11–15 вв.» (1974), «Язык орхоно-енисейских памятников» (1960).

Постепенно профиль кафедры начал меняться. Войдя в парадигму преподавания зарубежных языков по статусу одного из тюркских – турецкого и с подгонкой всех тюркологических кафедр под одну программу, кафедра тюркской филологии МГУ стала терять основное, что было заложено Н.К. Дмитриевым, – ее общую тюркологическую основу. Было снято преподавание ВВЯ, что закрыло путь к чтению таких курсов, как «Сравнительная грамматика тюркских языков», снизило значимость курса «Введение в тюркологию», ограничило чтение литературных письменных памятников, курса по древнетюркским письменным памятникам и т.д., понимание ареальных связей тюркских литературных языков. Т.е. была утрачена одна из основных функций – подготовка тюркологов широкого профиля. Все это не могло не беспокоить коллектив кафедры, составлялись докладные записки, писались коллективные статьи о судьбе тюркологии в МГУ. Позднее Э.А. Грунина сумела отстоять общую тюркологическую направленность кафедры и преподавание ВВЯ.

С 1970 по 1983 гг. зав. кафедрой стал профессор **Сергей Александрович Соколов** – крупный специалист по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке. Он также направлял деятельность кафедры по пути, намеченному Н.К. Дмитриевым. Среди его наиболее значимых работ такие публикации, как «О некоторых отглагольных именах в турецком языке (на -dik, -acak, -mak, -maklık, -ma, -ış)» (1952), «Типология сложных синтаксических конструкций в турецком

языке» (1966); «Синтаксические особенности турецкого литературного языка второй половины XIX века» (1972); «Исследование по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке» (1974) и др.; ему же принадлежит «Учебное пособие по переводу: сборник текстов для перевода с турецкого языка с лексико-грамматическими комментариями для 3 и 4 курсов» (1971). В 1974 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «К вопросу об аберрации залога в турецком языке».

При С.А. Соколове на кафедре помимо **Э.А. Груниной, И.В. Боролиной**, работали **Ш.С. Айляров, В.Д. Аракин, И.Р. Сони́на** (лекционные курсы по турецкой литературе), полковник **Е.Н. Травкин** (военный перевод). Важно отметить, что на кафедре также преподавали турецкий язык и носители языка: стамбульский армянин **Жак Ихмальян** и болгарский турок **Ахмат Зекериев**. **Жак Ихмальян** известен как автор учебного пособия «Турецкий разговорный язык» (1988), одновременно с преподавательской деятельностью он был профессиональным художником, картины которого выставляются в ведущих музеях мира, в том числе, в Третьяковской галерее.

Следующим зав. кафедрой стала профессор **Эльви́ра Александровна Грунина** (1926–2012), которая возглавляла кафедру с 1983 по 1995 год. Вся ее педагогическая и научная деятельность – без малого 60 лет – была связана с кафедрой. В 1949 г. она закончила курс восточного отделения филологического факультета МГУ, в 1953 г. после окончания аспирантуры начала преподавать на кафедре узбекский язык. Также Э.А. Грунина активно сотрудничала с сектором тюркских языков ИЯ АН. Именно стараниями и трудом Э.А. Груниной в университетское преподавание тюркского языкознания было внесено новое живое содержание. За годы преподавания в МГУ она создала практически все курсы по тюркскому языкознанию (практические курсы, связанные с узбекским языком, «Теоретическая грамматика», «История узбекского языка», «Узбекская диалектология», «Введение в тюркологию», «Турецкая диалектология», «История турецкого

языка», «Турецкая лексикология», спецкурс по сравнительной грамматике огузских языков, письменным памятникам османского и чагатайского языков, теории литературных языков и пр.). Э.А. Грунина обеспечила возрождение прерванной традиции османистики московской востоковедческой школы: в частности, ее перу принадлежит учебное пособие по османско-турецкому языку (1988), которое до сих пор используется на нашей кафедре.

Также Э.А. Грунина принимала участие в подготовке к печати памятника «Документы на половецком языке XVI века» (1967), «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (в 4 частях, с 1961 г.), редактировала издание «Мухаббат-наме» (1961), а через 40 лет – стала соавтором издания «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (2002), коллективного труда «Языки мира. Тюркские языки» (1997) и др.

В 1975 г. она блестяще защитила докторскую диссертацию «Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении)», в этом же году вышла монография, посвященная этой теме.

В 1991 г. вышла ее фундаментальная монография «Историческая грамматика турецкого языка» – первая в своем роде. Э.А. Грунина впервые в истории отечественной тюркологии комплексно рассматривает процесс развития турецкого языка, включая его предысторию, структурно-функциональное развертывание категорий на протяжении обозреваемого периода.

В первое десятилетие XXI в. Э.А. Грунина, наряду с изучением диалектов турецкого языка, издала уникальный учебник «Туркменский язык» (2005). В 2010–2011 гг. вышли две части переработанного и дополненного издания учебника. Это издание стабильно обеспечило преподавание на нашей кафедре еще одного из огузских языков – туркменского.

В 1998 г. Э.А. Грунина была удостоена звания заслуженного профессора МГУ.

Научные работы Э.А. Груниной получили высокую оценку в нашей стране и за рубежом, в частности, отмечается ее методологическое новаторство и системно-структурный подход к изучению проблем исторической грамматики.

Именно по инициативе Э.А. Груниной с 1993 г. на нашей кафедре стали проводиться ежегодные «Дмитриевские чтения» – эта традиция поддерживается и до сих пор.

Через год после Э.А. Груниной ушла из жизни **Г.Ф. Благова** (1927–2013) – ярчайший из старших представителей московской тюркологической школы, прежде всего, известная своим капитальным трудом «Бабур-наме. Язык, прагматика текста, стиль» (1994).

В 1996 г. зав. кафедрой стал профессор **Юрий Владимирович Щека** (1946–2013). С 1964 по 1970 гг. он учился в Институте восточных языков МГУ, а сразу по окончании он был направлен на работу в Турцию в качестве переводчика в посольстве СССР. Работа в Турции позволила ему обратиться к исследованию нового для отечественной тюркологии научного направления – анализа разговорной речи. В 1976 г. он был зачислен в аспирантуру ИСАА и всю свою жизнь связал с кафедрой. После защиты диссертации было издано учебное пособие «Турецкая разговорная речь» (1 изд. – 1989 г., 2. изд. – 2010 г.), ставшее подспорьем для преподавания разговорного аспекта не только в ИСАА, но и во многих тюркологических центрах.

В 1990 г. он закончил физфак МГУ; в 1993 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Интонология турецкого языка и проблемы ее общетеоретического обоснования», которая основана на комплексе экспериментальных исследований и применении физико-математического аппарата. В 2005 г. он стал заслуженным профессором МГУ.

Ю.В. Щека известен как крупнейший специалист по современному турецкому языку. Его перу принадлежат научные разработки по теоретической грамматике турецкого языка, учебные пособия, словари.

Научные интересы ученого, помимо турецкой лексикографии и лексикологии, были связаны с интонологией и экспериментальной фонетикой турецкого языка, а также – на основе определенных функциональных характеристик современной тюркской речи – с реконструированием ранних этапов языковой эволюции как тюркского праязыка, так и алтайского и урало-алтайского праязыков. Также ученый исследовал проблемы лингвофилософских аспектов языка и речи.

В 2007 г. Ю.В. Щека издал «Практическую грамматику турецкого языка» – первую за 50 лет работу подобного рода после «Граматики современного турецкого литературного языка» А.Н. Кононова (1956). Созданный Ю.В. Щекой «Интенсивный курс турецкого языка» (1 часть – 1996 г., 2 часть – 2000 г.) является базовым учебником во многих вузах.

На кафедре Ю.В. Щека преподавал турецкий язык на старших курсах и в магистратуре, османский язык, читал такие лекционные курсы, как «Теория ОВЯ», «Теоретическая фонетика турецкого языка», «Теоретическая грамматика турецкого языка», спецкурс «Интонология турецкого литературного языка», спецкурс «Словообразование в турецком языке».

Благодаря стараниям Ю.В. Щеки на кафедре закрепилась практика преподавания других тюркских языков, прежде всего, туркменского и узбекского, о возвращении которых в учебный процесс так ратовала в свое время Э.А. Грунина.

Ю.В. Щека также известен как блестящий синхронист, работавший на самом высоком государственном уровне, а его знанию турецкого языка завидовали даже носители языка.

В 90-е гг. XX в. на кафедре работал **Петр Иванович Кузнецов** (1923–1999), преподававший современный турецкий язык и читавший ряд теоретических курсов. П.И. Кузнецов посвятил многие десятилетия обобщению лексико-грамматического материала турецкого языка и написал несколько учебников, ставших знаковым событием в преподавании турецкого языка. Один из них «Турецкий язык. Вводный и основной курс (в

двух частях)» был первоначально подготовлен в соавторстве с Е.В. Суминым (1 изд. 1960–1961, 2 изд. 1970–1971), впоследствии учебник неоднократно переиздавался, и на его основе был разработан новый учебник турецкого языка в двух частях, увидевший свет в 2000–2002 гг. (вторая часть – уже после смерти автора). Этот учебник не потерял свою актуальность до сих пор. Другим не менее значимым трудом П.И. Кузнецова явился учебник по общему переводу, ставший одним из первых учебников такого профиля для восточных языков (1973).

Значимый вклад в развитие тюркологии на кафедре внесла ученица акад. В.А. Гордлевского доцент **Ирина Васильевна Боролина** (1927–2015). Закончив Восточное отделение филологического факультета МГУ в 1948 г., И.В. Боролина после защиты кандидатской диссертации по современной узбекской литературе («Рассказы Абдуллы Каххара», 1953) начала преподавать на кафедре тюркской филологии этого факультета, после реорганизации востоковедения в МГУ осталась преподавать на кафедре тюркской филологии Института восточных языков.

Проработав на кафедре более 60 лет, она, вместе с другим известным тюркологом-литературоведом **И.Р. Сониной**, сыграла огромную роль в становлении всех литературоведческих и фольклористических курсов на кафедре, которые и поныне читают ее ученики и последователи, в частности, **Е.А. Оганова**.

И.В. Боролина особо интересовалась турецким народным театром, творчеством ашыков и меддахов, ранней авторской турецкой драматургией, узбекской литературой, межлитературными контактами, проблемами перевода и т.д. Наиболее значимые статьи ученого были опубликованы под общим названием «Тюркские литературы и фольклор. Статьи» (2004). В 2007 г. вышла в свет «Хрестоматия по турецкому фольклору» И.В. Боролиной, являющаяся собой переиздание под одной обложкой двух частей этого же пособия, изданного в 1984 г. и в 1987 г. соответственно; в 2010 г. на кафедре

было выпущено пособие И.В. Боролиной «Турецкая ашыкская поэзия» (в соавторстве с Е.А. Огановой).

На кафедре И.В. Боролина вела практические занятия по узбекскому языку, читала лекции по средневековой и новой турецкой литературе, разработала уникальные литературоведческие спецкурсы.

В 2000 г. И.В. Боролина была удостоена звания заслуженного преподавателя МГУ.

За годы заведования кафедрой Ю.В. Щека существенно омолодил ее состав: в конце XX – начале XXI вв. в преподавательскую и научную деятельность кафедры включились ее недавние выпускники: **А.В. Чиврикова, М.В. Порхомовский, Е.А. Оганова, Т.В. Лосева-Бахтиярова**, которые работают и поныне.

В 2013 г. кафедру возглавил профессор **Дмитрий Михайлович Насилов** (1935–2017), уникальный специалист по древнетюркским языкам и орхон-енисейским памятникам, языкам коренных малочисленных народов России, зам. председателя российского комитета тюркологов, глав. редактор журнала «Российская тюркология». Его научная и педагогическая деятельность была связана с Институтом лингвистических исследований РАН (С.-Петербург), где он прошел путь от младшего научного сотрудника до зав. отделом алтайских языков (1963–1993), а также с Институтом языков народов России (1993–1996). Также Д.М. Насилов работал в Самаркандском государственном университете (1958–1960), на кафедре тюркской филологии Ленинградского/Санкт-Петербургского университета (1965–1992), в ряде других высших учебных заведениях Москвы. В 1996 г. Д.М. Насилов возвратился в свою *alma mater* – ИСАА МГУ, где проработал до конца жизни.

Защитив в 1964 г. кандидатскую диссертацию по временам глагола в древнеуйгурском языке, Д.М. Насилов вошел в число ведущих специалистов СССР по этому языку. Д.М. Насилов также является одним из авторов древнетюркского словаря (1 изд. 1969, 2. изд. 2016) и этимологического

словаря тюркских языков, экземпляры которых имеются во всех тюркологических центрах мира.

В 1989 г. Д.М. Насилов защитил докторскую диссертацию «Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность», которая стала настольной книгой не только российских, но и зарубежных тюркологов.

Среди основных направлений его научной деятельности можно выделить общие проблемы алтаистики, проблемы сравнительно-исторического языкознания, проблемы грамматической реконструкции, языки письменных памятников, история тюркских языков, теоретическая грамматика, древнетюркские языки, проблемы реконструкции праязыка, тюркологическая социолингвистика, разработка вопросов преподавания национальных языков. На кафедре Д.М. Насилов читал такие курсы, как «Введение в тюркологию», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», «Рунические и древнеуйгурские памятники», преподавал узбекский язык. Написал учебники тюркских языков для стран СНГ: «Азербайджанский язык» (2009, в соавторстве с Л.Г. Исмаиловой), «Узбекский язык» (2012, в соавторстве с Х.С. Мухитдиновой).

Д.М. Насилов занимал видное место в деле организации тюркологической жизни в нашей стране; благодаря его активной научной и общественной деятельности обеспечивались связи кафедры с научными и учебными тюркологическими центрами нашей страны и за рубежом.

В 2014 г. был удостоен ордена Турецкой Республики «Лиякат», врученного лично Президентом Турции Абуллахом Гюлем, в 2016 г. – медали Тюркской академии (г. Астана) за вклад в развитие тюркологии.

В 2017 г. Дмитрия Михайловича на посту зав. кафедрой сменила доцент **Мария Михайловна Репенкова** (р. 1960), возглавляющая ее по сей день. Выпускница кафедры тюркской филологии Восточного факультета ЛГУ имени А.А. Жданова (1982), в 1987 г. она защитила кандидатскую диссертацию в Институте востоковедения РАН на тему «Эволюция образа героя в романах Факира Байкурта». С 1987 по 1995 гг. М.М. Репенкова

работала в отделе литератур народов Азии ИВ РАН, а с 1995 г начала свою преподавательскую деятельность на кафедре тюркологии ИСАА. В 2010 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Постмодернизм в литературе Турции», с 2011 г. занимала ставку профессора кафедры.

М.М. Репенкова преподает турецкий язык на старших курсах, читает лекционный курс «История турецкой литературы», ведет литературоведческие спецкурсы для магистрантов других языковых кафедр.

Среди основных трудов М.М. Репенковой – четыре монографии по современной турецкой литературе: «От реализма к постмодернизму. Современная турецкая проза» (2008), «Вращающиеся зеркала. Постмодернизм в литературе Турции» (2010), «Турецкая литература на рубеже XX – XXI веков (основные парадигмы)» (2016), «Турецкие писатели переходной эпохи. Литературные портреты» (2020). Благодаря этим фундаментальным работам кафедра прочно удерживает позиции ведущего центра литературоведческих исследований современной Турции. Труды М.М. Репенковой внесли весомый вклад в развитие научных изысканий в области современного литературного процесса не только в Турции, но и в других восточных странах: в опоре на ее диссертацию и монографии в стенах ИСАА был успешно защищен ряд кандидатских диссертаций по современной литературе юго-восточных стран.

Во время заведования кафедрой Марии Михайловне удалось укрепить кадровый состав кафедры за счет включения в него крупного специалиста по лексической семантике турецкого языка к.ф.н. **Е.М. Напольновой**, подготовившей по этой теме докторскую диссертацию (защита состоялась в июне 2022 г.), а также носителя языка к.ф.н. **Мехтап Йылмаз**, деятельность которой вывела преподавание разговорного турецкого языка на кафедре на новый уровень. Во многом благодаря усилиям М.М. Репенковой на кафедре сохранилось преподавание османского языка (к.ф.н. **Е.М. Напольнова**, к.ф.н. **Т.В. Лосева-Бахтиярова**), расширился список преподаваемых тюркских языков – туркменский (**Т.В. Лосева-Бахтиярова**), узбекский (**Т.В.**

Лосева-Бахтиярова, д. филос. н. **Т.М. Махаматов**), азербайджанский (к.ф.н. **Л.Г. Исмаилова**), киргизский (к.ф.н. **Ж.С. Хулхачиева**), казахский язык (к.ф.н. **А.А. Гаджиева**) – и соответствующих литератур.

В настоящее время на кафедре работают девять преподавателей, среди которых 1 доктор филологических наук и 5 кандидатов филологических наук. Также на кафедру регулярно приглашаются с лекциями известные тюркологи из-за рубежа (Турция, Узбекистан, Казахстан и пр.). Так, в 2020 г. с лекциями перед студентами кафедры выступили д.ф.н., проф. Ш.Х. Акалын (Директор Научно-исследовательского центра лексикографии при университете Хаджеттепе /г. Анкара/, преподаватель литературного факультета университета Хаджеттепе, председатель Турецкого лингвистического общества /2001–2012/, декан литературного факультета университета Хаджеттепе /2016–2018/), д.ф.н. проф. М. Ольмез (Стамбульский университет) и др. С января 2020 г. по август 2022 г. на кафедре работала приглашенный профессор университета Эрджис (г. Кайсери, Турция), д.ф.н., зав. кафедрой русского языка и литературы **Севинч Учгюль**, которая, являясь одним из ведущих русистов в Турции, преподавала студентам-тюркологам не только разговорный турецкий язык, но и читала лекции по теории перевода и межкультурной коммуникации, используя свой опыт и взгляд на турецкую и русскую культуру «изнутри».

В то же время и преподавателей кафедры приглашают читать лекции по тюркологической проблематике за рубежом: так, Е.А. Оганова преподавала тюркологические предметы в Ереванском государственном университете (ноябрь 2018 г.) и в университете Мармара (г. Стамбул, апрель 2019 г.), М.М. Репенкова читала курс «Мировой литературный процесс» в Бухарском государственном университете (г. Бухара, декабрь 2020 –январь 2021 гг.).

Главной целью кафедры преподаватели считают сохранение и приумножение знаний, полученных от наших выдающихся учителей, сочетание академической глубины с практической ориентированностью,

традиционных и современных подходов к преподаванию учебных дисциплин.

Преподаватели кафедры не только ведут практические и лекционные занятия по тюркским языкам и литературам, но и активно занимаются научно-исследовательской деятельностью в области тюркского языкознания, литературоведения, культурологии, методики преподавания тюркских языков, регулярно публикуют статьи, монографии, участвуют в престижных международных научных конференциях, конгрессах и симпозиумах, проводят открытые лекции и мастер-классы.

Помимо научных исследований, проводимых на кафедре с момента ее создания (теоретическая грамматика турецкого и других тюркских языков, лексикология тюркских языков, сравнительная и сравнительно-историческая лексикология тюркских языков и др.), ныне работающие преподаватели кафедры разрабатывают и новые предметно-исследовательские поля: так, **М.М. Репенкова** внесла заметный вклад в изучение современного литературного процесса в Турции, в частности, в разработку хронотипологии турецкого постмодернизма и массовой литературы, анализ жанров и жанровых форм турецкого романа рубежа XX–XXI вв., **Е.М. Напольнова** активно занимается изучением лексической семантики турецкого языка (лексемы с пространственным и временным значением), **Е.А. Огановой** принадлежит серия статей по методике преподавания современного турецкого языка, также она занимается исследованием основных закономерностей развития современной турецкой драматургии, **Т.В. Лосева-Бахтиярова** интересуется лексикологией и лексикографией тюркских языков, изучает арабографичные тексты на тюркских языках конца XIX–XX вв., проводит научные изыскания в области диалектов и говоров тюркских народов Афганистана, истории и культуре древних тюрков, среднеазиатских цыган, **М.В. Порхомовский** специализируется в области турецкой паремиологии («Турецкие пословицы в языке и речи», 2014).

Новыми научными результатами преподаватели кафедры делятся в том числе на страницах сборника «Вопросы тюркской филологии», который выходит без перерыва начиная с 1993 года с периодичностью один раз в два года; в этом объемном (более 300 стр.) издании собраны материалы ежегодной конференции «Дмитриевские чтения», в которой участвуют ученые-исследователи из ведущих российских и мировых тюркологических центров.

Расширение исследовательского диапазона тюркологов ИСАА нашло свое отражение и в системе лекционных и специальных курсов, читаемых на кафедре. Так, преподавателям кафедры удалось не только сохранить уникальные «классические» курсы, такие как «Введение в спецфилологию (введение в тюркологию)», «Теория основного восточного языка», «Сравнительная лексикология тюркских языков», «Турецкая лексикология», «Сравнительная грамматика тюркских языков», «Древнетюркские языки», «Основы тюркской семантики» (Т.В. Лосева-Бахтиярова, продолжающая традиции тюркологии, развиваемые Э.А. Груниной, Д.М. Насиловым, Ю.В. Щекоей), но и разработать ряд новых, например, курсы «История российской тюркологии», «Базовые понятия исследовательской парадигмы литературного текста», «Формы современных критико-литературоведческих исследований» (М.М. Репенкова), «Семантика турецких лексем с пространственным значением», «Окружающее пространство и время в семантике лексем турецкого языка» (Е.М. Напольнова), «Грамматические и стилистические особенности современных турецких СМИ», «Лексические особенности современных турецких СМИ», «Теория и практика художественного перевода» (Е.А. Оганова) и др.

На кафедре планомерно защищаются магистерские, кандидатские и докторские диссертации. Так, за последние 15 лет на кафедре были защищены такие кандидатские диссертации, как «Современная турецкая литературная сказка: типология и эволюция жанра» (Е.И. Ларионова, науч. рук. Е.А. Оганова, 2008), «Постмодернистская парадигма в романистике

Ихсана Октя Анара» (О.В. Карева, науч. рук. М.М. Репенкова, 2012), «Средневековое турецкое ашыкское творчество: типология и поэтика» (С.Н. Воробьева, науч. рук. Е.А. Оганова, 2013), докторская диссертация «Постмодернизм в литературе Турции» (М.М. Репенкова, 2010), проведена предзащита докторской диссертации «Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого языка» (Е.М. Напольнова, 2021), готовятся к предзащите авторы диссертаций «Жанровая форма кыт'а в средневековой турецкой литературе: типология и поэтика» (А.И. Семина, науч. рук. Е.А. Оганова) и «Лингвистические особенности турецкого новостного медиатекста (2017–2020 гг.)» (О.А. Алексеева, науч. рук. Е.А. Оганова); ежегодно проходят защиты магистерских диссертаций по тюркскому языкознанию и литературоведению: так, последней защищенной работой стала диссертация на тему «Формы на -DİġI- и -AcAġI- с послелогоми в турецком языке» (К.А. Верховая, науч. рук. Е.А. Оганова, 2020).

Студенты кафедры ежегодно участвуют в научных конференциях, во всероссийском конкурсе по турецкому языку, где традиционно занимают большое количество призовых мест во всех номинациях. Они имеют возможность прохождения бесплатной летней стажировки при Анкарском государственном университете, участвуют в международных программах по обмену студентами (ERASMUS, Mevlana и др.). Среди наших выпускников – известные ученые, преподаватели, дипломаты, общественные и политические деятели, журналисты.

Преподаватели кафедры не забывают и о том, что ИСАА – сердце отечественного востоковедения всей страны, поэтому особый акцент делают на создании учебников и учебно-методических пособий по турецкому и другим тюркским языкам, которые пользуются авторитетом в главных востоковедческих вузах России (например, «Современный турецкий язык: практикум по грамматике. В 3-х ч.», 2014–2018, 2. изд. 1 части – 2021, авторы Е.А. Оганова, Е.И. Ларионова, «УМК по работе с турецкими

художественными текстами», 2016, авторы Е.А. Оганова, А.Ю. Коломойцева и др.), в том числе специализированные учебные пособия, такие как «УМК по переводу турецкой прессы», выдержавший уже 4 издания (1 изд. 2013, 2 изд. 2014, 3 изд. 2018, 4 изд. 2020, авторы Е.А. Оганова, С.Н. Воробьева), учебное пособие «Турецкий язык в газетном дискурсе» (1 изд. 2016, 2 изд. 2020, автор М.М. Репенкова); «Узбекский язык: учебное пособие с опорой на практический перевод текстов» (2018, авторы Т.М. Махаматов, Т.В. Лосева-Бахтиярова, Х.Х. Хамидов). Ряд учебных пособий, подготовленных на кафедре, имеет видео- и аудиоприложения.

В то же время преподаватели кафедры активно используют в своей работе новые технологии, создают видеолекции на канале YouTube, проводят открытые видеоуроки по тюркологической проблематике посредством сети интернет, ведут группы по популяризации тюркологии в целом (Т.В. Лосева-Бахтиярова) и турецкого языка в частности (Е.А. Оганова) в соцсетях.

Бережно сохранять лучшие университетские традиции и идти в ногу со временем – вот принцип, которому стараются следовать все преподаватели кафедры тюркской филологии во благо развития науки и образования в России.

Е.А. Оганова

Т.В. Лосева-Бахтиярова

ЛИНГВИСТИКА

Абдуллаев С.Н. (д.ф.н. ИГУ им. К. Тыныстанова, г. Каракол, Киргизия),

Турганбаева Б.Н. (аспирант ИГУ им. К. Тыныстанова,

г. Каракол, Киргизия)

ПРИЧАСТНО-ПОСЛЕЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

В работах по уйгурскому языку выделяется особая разновидность полипредикативных предложений – причастно-последложные конструкции, которые описываются как единицы языка в виде моделей. Такого рода конструкции представляют собой не просто сочетание причастия с последлогом, а сложное предложение, где средством синтаксической связи и показателем смысловых отношений выступает конкретный последлог в сочетании с аффиксом конкретного причастия. Обратимся к примеру:

كەلدۇق يېتىپ بۇرۇن چىقىشتىن كۈن بىز ‘Мы пришли до того, как встало солнце’.

Эта причастно-последложная конструкция построена по модели, формулу которой можно представить следующим образом:

{(Nnom ⇔ Tv=иш//тин бурун) (ГПЕ)} – до того как

Приведенный пример является реализацией причастно-предложной конструкции аналитико-синтетического типа. Последлог, морфологические показатели причастной (масдарной) формы на *-иш* и исходного падежа находятся в зависимой предикативной единице (ЗПЕ), которая предшествует главной предикативной единице (ГПЕ). Последлог и соответствующая цепочка морфем в данном случае указывают на предшествование события, выраженного в ГПЕ, событию, выраженному в ЗПЕ. Подлежащее в ЗПЕ употребляется в форме прямого (номинативного, именительного, неопределенного, основного) падежа. С точки зрения морфологии причастно-

последовательные конструкции – это сочетания причастий или имен действия в том или ином падеже с послелогами или служебными именами, а с точки зрения синтаксиса – бипредикативные сложные предложения аналитико-синтетического типа.

CODEX CUMANICUS'UN TÜRK DİLİ İÇİN ÖNEMİ

1292–1330 yılları arasında, Karadeniz'in kuzeyinde, Cenevizli ve Almanlar tarafından Latin alfabesiyle yazılmış olan Codex Cumanicus, Türkçe için birçok açıdan önemlidir. Bildiride bunlar örneklerle anlatılacaktır. Aşağıda birkaç başlığa değinilmiştir.

1. Codex Cumanicus, Latin alfabesiyle yazılmış ilk Türkçe eserdir. Bu yönüyle Türkçenin birçok fonetik sorununun çözülmesine yardımcı olmaktadır.

2. Eser iki ayrı kitaptan oluşmaktadır. Birinci kitap üç dilli bir sözlüktür. Latince dizilmiş kelimelere Farsça ve Türkçe (Kumanca) karşılıklar verilmiştir. Türkçe kelimelerin anlamlandırılmasında diğer iki dil yardımcı olmaktadır.

3. Eserde Türkçenin grameriyle ilgili bölümler bulunmaktadır. Birinci kitapta çeşitli fiillerin basit çekimleri, ikinci kitaptaki anla- fiilinin olumlu, olumsuz, basit ve birleşik çekimleri verilmiştir. Latince yazılmış bir yapraklık Türkçe gramerde ise birkaç konu ele alınmıştır. Batılı sistemle hazırlanmış bu bölümler, Türkçenin ilk modern gramerini oluşturmaktadır.

4. Söz varlığı bakımından çok önemli bir eserdir. Türkçenin tarihî lehçelerinde bulunmayan birçok kelime içermektedir. Bunun yanında verilen bazı anlamlar Türkçenin diğer eserlerinde yer almamaktadır.

5. Hristiyanlıkla ilgili dinî metinlerde kullanılan terimleri karşılamak için birçok yeni terim türetilmiştir. Ayrıca daha önce kullanılan kimi kelimeler de anlam değişmesine uğrayarak dinî terim olmuştur.

ЗНАЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

Для изучения истории языка наряду с письменными памятниками, которые считаются основным источником для исследований, большое значение имеют фразеологические единицы, веками передаваемые от поколения к поколению и сохраняющие в своем составе большое количество лексических и грамматических архаизмов.

В состав многих фразеологизмов входят слова, важные с точки зрения формирования их значений, но вышедшие из активного употребления в современном туркменском языке, утратившие первичное значение и сохранившиеся только в переносных. Такие слова особенно важны с точки зрения культурной преемственности поколений. Проиллюстрируем эту мысль на примере фразеологизмов.

Слова *a:l* ‘лоб’ и *pet* ‘лицо’, задействованные во фразеологизме *al-petinden almak* ‘резко, категорично, грубо возразить другому человеку’, в современном языке изменили свое значение. Слово *tebil*, зафиксированное в словаре Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-турк» (XI в.) в значении ‘беспокойство’, входит в состав фразеологизма *tebil tapmak* ‘забеспокоиться’, но в современном туркменском языке не употребляется как самостоятельная лексическая единица.

Установление исконных значений слов, встречающихся в древних письменных памятниках, а в современном туркменском языке присутствующих только в составе фразеологизмов – одна из важнейших задач исторической лексикологии.

Боргоякова Т.Н. (к.ф.н. ФИРО РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва)

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ И АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В докладе представлены результаты исследования употребления настоящего времени индикатива в тюркских языках Южной Сибири.

Актуальность темы состоит в том, что накопленный по этим языкам материал обусловил необходимость уточнения структуры поля настоящего времени, а также определения характера взаимодействия временных форм и аналитических конструкций со значением времени внутри системы.

Важно обобщение результатов, полученных на материале разных языков путем описания состава, семантики и употребления этих средств. Нас интересуют те базовые значения синтетических форм и аналитических конструкций, которые определяют их место в поле настоящего времени. Наше исследование строится преимущественно на хакасских материалах и с привлечением данных других родственных языков Сибири для сравнения.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить специфику взаимодействия синтетических и аналитических средств выражения настоящего времени в поле настоящего времени. Для этого проведено сопоставление состава, семантики и сферы применения этих средств. Вопросы их взаимодействия внутри поля остаются слабо изученной частью грамматического строя языков Сибири. Например, отмеченные в хакасском языке синтетические формы и аналитические конструкции настоящего времени получили общее описание, но существуют факты, которые сложно объяснить без анализа взаимодействия всех средств. Таковы формы настоящего времени на *-ur* и *-адыр/ -едір*: первая (*-ur*) - не отмечена в других языках; вторая (*-адыр/ -едір*) - исследована слабо во всех языках. На наш взгляд, признаком слабой изученности всех временных форм является отсутствие у них названий, раскрывающих базовое значения форм.

Особое положение в поле настоящего времени занимают глагольные аналитические конструкции с бытийными глаголами. Однако их положение четко не определено ни по отношению к их месту в поле настоящего времени, ни к тем условиям, когда они выполняют роль средств выражения аспектального значения длительности действия или состояния.

Бурнакова К.Н. (д.ф.н. МГПУ, г. Москва)

СТАТУС УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПОСТПОЗИТИВНОЙ ЧАСТИЦЫ В МОДЕЛИРОВАНИИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Особенность развития хакасского языка состоит в том, что свои литературные нормы он формирует на основе двух базовых диалектов – сагайского и качинского. Однако полной диалектной нивелировки до сих пор не происходит в силу того, что артикуляционно-акустическая база (теория ААБ по В.М. Надеяеву) носителей сагайского и качинского диалектов разная. Она способствует сохранению четко выраженных отличий в устной речи, которые отчетливо можно увидеть при изучении ритмомелодики разных высказываний. Различия между диалектами не исчерпываются фонетикой, наши наблюдения показывают, что в области лексики и грамматики также имеются значительные расхождения. В этой связи, изучение языковых средств на примере фраз из живой разговорной речи представляется весьма актуальным.

На данном этапе наше исследование носит дескриптивный характер. Мы стремимся отразить специфику речи на примере вопросительных предложений. Для такого описания представляется наиболее эффективным выявление моделей вопросительных предложений с частицами, описание их структурно-семантических типов.

Данная тема представляет собой первичное научное описание вопросительных предложений. Оно выполнено на основе полевых материалов, собранных во время экспедиций в места проживания носителей хакасского языка. Такой метод позволяет зафиксировать стилистическое богатство говорного и диалектный колорит живого общения. Кроме того, были извлечены вопросительные предложения из письменных источников

разных жанров, в том числе - из художественных произведений путем сплошной выборки.

Моделирование вопросительных предложений осуществлялось с учетом их структурно-семантических особенностей. К анализу привлекались конструкции с универсальной постпозитивной частицей с сингармоническими вариантами *ma* (*me*, *ba/be*, *na/ne*).

Частица *ma* может преобразовывать разные по цели высказывания предложения в вопросительные. В результате исследования была проведена инвентаризация вопросительных конструкций с названной выше частицей, но остается открытым вопрос о количестве моделей. Предполагается, что моделирование предложений с универсальной вопросительной частицы *ma* позволит системно представить все многообразие фраз и выявить их ритмомелодику. На данном этапе выявлены следующие модели с частицей *ma*: безактантные ЭПП; двухактантные модели ЭПП; трехактантные модели ЭПП.

Верхова К.А. (аспирант, переводчик ИСАА МГУ
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

ОБОРОТЫ ЦЕЛИ В ТУРЕЦКИХ СМИ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Доклад посвящен рассмотрению структуры оборотов цели, в качестве предикативного центра которых выступают финитные и нефинитные глагольные формы в сочетании со служебными частями речи (союзы, послелог, служебные имена), на материале образцов текстов турецких печатных и электронных СМИ, хронологически относящихся к второй четверти XX в. и первой четверти XXI в. Актуальность и научная новизна предпринятого исследования обуславливается тем, что на данный момент комплексных исследований турецкого синтаксиса в диахроническом аспекте не проводилось. В то же время анализ процессов, протекающих в данной сфере, на примере языка СМИ, с одной стороны, способствует решению вопроса, может ли язык турецких массмедиа считаться полноправным репрезентантом турецкого литературного языка, а с другой – служит основой для проведения сравнительно-исторических исследований синтаксиса других тюркских языков.

Результаты предпринятого исследования показывают общее снижение частотности использования оборотов цели на современном этапе, что может быть обусловлено изменением стилистики текстов турецких СМИ. Наиболее часто встречающимся способом образования оборотов цели является сочетание глагольных имен *-mAk* и *-mAİ* с послелогом цели и причины *için*. В анализируемых текстах XXI в. также отмечается увеличение количества и частотности употребления конструкций, структурно представляющих собой одноаффиксный изафет, в котором в качестве определения выступают вышеуказанные глагольные имена, в качестве определяемого – служебные слова типа *amacıyla*, *hedefiyle* ‘с целью’. Наиболее низкую частотность демонстрируют сочетания формы повелительного наклонения глагола с

союзами *diye* (употребляется в конце оборота цели, после указанной формы глагола) и *ki* (употребляется в начале оборота цели), что может свидетельствовать о нехарактерности их использования в языке турецких СМИ – отмечается, что данные конструкции более характерны для разговорного турецкого языка.

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
«СРАВНИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ ВСЕХ ЯЗЫКОВ И НАРЕЧИЙ»
П.С. ПАЛЛАСА (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА)**

В основу письменного памятника XVIII в. «Сравнительный словарь всех языков и наречий П.С. Палласа» (ч. 1, 2) легли данные по языкам мира, собранные по желанию российской императрицы Екатерины II. Курировал этот проект ученый-энциклопедист П.С. Паллас (1741–1811).

Выбор памятника обусловлен тем, что данные «Словаря» Палласа относятся к более раннему и до сих пор неизученному этапу развития казахского языка. С другой стороны, казахский материал памятника остается малоизученным с точки зрения диалектно-дифференцирующих признаков. Исходя из этого были поставлены следующие задачи:

1. Выделить диалектно-дифференцирующие черты согласных звуков в казахском материале «Словаря»;
2. Определить диалектную принадлежность говора «Словаря» с помощью данных платформы Лингводок.

На основе фонетического анализа лексем были выявлены диалектные черты основных казахских говоров - южного, восточного и юго-восточного: (Паллас) *джеръ* ‘земля’ ~ (южн.) *džier* ~ (вост.) *džir* ~ (юго-вост.) ~ *džer*. В то же время, были обнаружены две формы отражения кончикового плоскощелевого звонкого звука [ž] в абсолютном анлауте как [dž] и [j] (*яман* - *джаман* ‘дурно’ ~ лит.каз. *žaman*; *ясылъ* - *джяшилъ* ‘зеленый’ ~ лит.каз. *žasyl*. В онлайн словаре Starling соответствующие прототюркские формы указанных лексем представлены с анлаутным [j].

Итак, по диалектно-дифференцирующему признаку на [dž] говор Словаря Палласа соответствует южному, восточному и юго-восточному говорам. Однако ключевой признак на *-laj/-lik* указывает на то, что всё-таки казахский говор Словаря относится к южному диалекту, ср.: (Паллас; южн.) *таңлај* ‘лоб’ ~ (зап., вост., сев., лит. каз.) *таңдай*; (Паллас; южн.) *таңлај* ‘нёбо’

~ (зап., вост., сев., лит. каз.) *taṇdaj*; (Паллас; южн.) *keṇlik* ‘простор’ ~ (зап., вост., сев., лит. каз.) *keṇdik*.

УЙГУРСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО СЛОВАРЯ

Уйгурские юридические и хозяйственные документы представляют особую ценность для изучения древнетюркской лексики. В отличие от буддийских и манихейских литературных и религиозных памятников, юридические документы (долговые расписки, контракты, деловые письма, жалобы и судебные иски, финансово-хозяйственные и бухгалтерские и налоговые документы, духовные завещания и т.п.) дают ценную информацию об образе жизни, питании, одежде, семейно-брачных и имущественных отношениях, орудиях труда, домашнем хозяйстве и быте древних тюрков. Из этих документов мы узнаем, что у уйгуров существовало рабство, продажа рабов и рабынь, продажа детей родителями в постоянное рабство или для исполнения временной работы. Из этих же документов видно, что уйгуры занимались не только скотоводством, но и хлебопашеством, а в еще большей мере хлопководством и виноградарством. Из документов ясно следует, что у уйгуров выработалась богатая юридическая и хозяйственно-финансовая терминология. Все документы, например собранные В.В. Радловым и опубликованные в 1928 г. строго используют эту терминологию и юридические клише. Сначала указывается дата составления документа (год по двенадцатилетнему животному циклу, месяц и число месяца), в конце текста указываются все свидетели, которые (что очень ценно) под своими именами ставят тамги, либо круглые или четырехугольные печати. Обязательно указывается клерк (*bitikçi*), который составил юридический документ. Каждый документ содержит богатую лексику. Так, в долговых документах упоминаются должник и кредитор, сумма долга, величина процента, срок возвращения ссуды (вина, денег, масла и т.п.), а иногда обговаривается условие выполнения сделки на случай

смерти одной из сторон сделки. Достаточно привести несколько таких терминов: *төрү* 'обычай', 'правило', *тамгъала* 'ставить печать', *тамлыд* 'имеющий стену', *тамгъа* 'печать', 'знак' (ср. *нышан*), *сатыгъ* 'торговая сделка', 'стоимость', *салыгъ* 'налог', 'подать', 'повинность', *огъуллук* 'усыновление', *күн* 'день' (как мера учета), *колуш* 'название подати', *калан* 'название подати', *јаq* 'обычай', 'обычное право', *јанглыгъ* 'обычный', 'по обычаю', *канлык* 'название подати' («ханское»), *јarlik* 'приказ', *јarlyka* 'приказывать', 'соизволять', *біміг* 'деловое письмо', 'записка', 'документ', *берім алым* 'долговые обязательства', *етіш біміг* 'действительная, законная расписка' и т.д. Некоторые слова сохранились в современных тюркских языках Южной Сибири в наиболее архаичном значении, нежели в уйгурских юридических документах (например, уйг. *сычы* 'граница' - ср. каз. *сынч* 'граница', 'перегородка (деревянная) между двумя строениями'; сагайск. *сынцык* 'деревянный клин')¹.

¹ Интересно, что в древности (а горных районах и сегодня) границу участков обозначали сперва вбиванием колышков по периметру участка.

*Гочова О.С. (старший научный сотрудник
ИЯиЛ и НР им. Махтумкули, г. Ашхабад)*

АКУСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ТУРКМЕНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

По сей день не утратили свое значение идеи Н.К. Дмитриева о сравнительно-сопоставительном изучении языков, согласно которым было предложено сначала давать сравнительную характеристику изучаемых языков, а затем переходить к решению конкретных задач по каждому аспекту их структурного различия. Сопоставительные исследования гласных фонем туркменского языка ранее проводились только по анатомо-физиологическим признакам, что является недостаточным для их полного описания.

Акустический анализ гласных фонем туркменского и английского языков впервые был проведен с использованием программного обеспечения «PRAAT». Экспериментальным материалом для туркменского языка послужили односложные слова из толкового словаря туркменского языка (2016), а для английского языка – Audio CDs + Peter Roach. English Phonetics and Phonology. Cambridge University Press, 2009. По полученным результатам формантного анализа (F_1 , F_2) гласные фонемы туркменского и английского языков были размещены на диаграмме по МФА.

Эксперимент показал, что спорные гласные туркменского языка *y* и *y:*, которые одни ученые считают гласными заднего, а другие среднего ряда, относятся к заднему ряду. Таким образом, мы можем заключить, что гласные туркменского языка делятся на передние и задние ряды по горизонтальному (F_2), на верхние, средние и нижние по вертикальному (F_1) положению языка.

Результаты F_2 показали, что лабиальные гласные в туркменском языке произносятся довольно сзади по сравнению с их нелабиализованными парами. В отличие от туркменского нелабиализованный звук [a:] английского языка произносится достаточно сзади, почти на уровне лабиального гласного [ɔ].

Гылыджов А.А. (к.ф.н., зав. отделом Института языка, литературы и национальных рукописи им. Махтумкули АН Туркменистана, г. Ашхабад)

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА, СВЯЗАННЫЕ С ВОЕННОЙ ЛЕКСИКОЙ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

В последние десятилетия в туркменском языкознании активно исследуются проблемы общей ономастики. Туркменские антропонимы демонстрируют значительное разнообразие как по принципу присвоения, так и по своему первичному значению. Личные имена неразделимо связаны с многовековой историей и культурой туркменского народа, что можно увидеть на примере мужских личных имен, восходящих к лексемам с военной тематикой. Их можно разделить на следующие группы:

а) антропонимы с первичным значением видов оружия и средств защиты: *Gylyç* ‘меч’, *Galkan* ‘щит’, *Hanjar* ‘кинжал’, *Nayza* ‘копье’, *Palta* ‘топор’, *Keman* ‘лук, стрела’ и др.;

б) антропонимы с первичным значением чинов, профессии и т.п.: *Ýüzbaşy* ‘сотник’, *Serdar* ‘вождь’, *Beg* ‘бек’, *Han* ‘хан’, *Esger* ‘солдат’, *Nöker* ‘нукер, дружинник’, *Serbaz* *уст.* ‘воин’, *Marşal* ‘маршал’, *Topçy* ‘артиллерист’, *Batyr* ‘богатырь, храбрец’, *Mergen* ‘стрелок’, *Garawul* ‘караул’ и др.;

в) антропонимы с первичным значением действий и объектов, связанных с военными событиями: *Ýeňiş* ‘победа’, *Gala* ‘крепость’, *Galabegi* ‘командир крепости’, *Baydak* ‘знамя’, *Goragly* от *gorağ* ‘защита’, *Sanjar* от *saňçmak* ‘колоть штыком’ и др. Антропоним *Санджар* также является именем известного сельджукского правителя султана Санджара.

Культурно-духовное наследие каждого народа представляет собой неисчерпаемый источником лингвистических, этнокультурных и ономастических исследований, а личные имена таят в себе много интересного, поэтому их изучение – это увлекательное занятие для языковедов.

СООТНОШЕНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Термин *мақол* («пословица») произошёл от арабского слова *қавлун* («говорить», «сказать»). В узбекском языке он стал термином одного из афористических жанров, который традиционно свидетельствует о мудрости народа.

Многие исследователи в своих работах не раз пытались определить разницу между пословицами и поговорками.

На наш взгляд, эффективным является метод разграничения пословиц и поговорок с точки зрения их лексического значения. Если поговорка – средство прямой передачи информации в речи, то пословица – средство передачи этой информации в виде живых образов, которые имеют свою обоснованную аргументацию. Например, существует узбекская поговорка: «Тот, кто боится опасностей, не достигнет цели». Это же значение выражается в местных пословицах следующим образом:

«Тот, кто боится воробьев, не сеет просо».

«Тот, кто боится вора, не запасается богатством».

«Тот, кто боится искры, не станет кузнецом».

Во всех трех случаях содержание поговорок остается неизменным: «Трудиться не грех».

С изменением социальной жизни меняется и круг значений пословиц. Иногда они приобретают абсолютно другое, новое содержание.

Внешний вид поговорок, в основном, не меняется – за исключением грамматической формы.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что пословицы – мудрые народные изречения, выражающие законченную мысль с острым содержанием, используемые в переносном значении, краткие по объёму единицы речи.

Поговорки – краткие, сжатые мудрые народные изречения, выражающие законченную мысль, которые используются только в прямом, узком значении. Основная разница между этими единицами языка сводится к тому, что пословицы имеют окказиональное значение, а поговорки лишены этого свойства и используются в речи только в прямом значении.

Дубровина М.Э. (к.ф.н. СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

Сулейманова А.С. (к.ф.н. СПбГУ, г. Санкт-Петербург)

О НЕКОТОРЫХ ОРФОЭПИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ТУРЕЦКОЙ РЕЧИ

До сих пор продолжают оставаться заслуживающими внимания лингвистов вопросы произношения в турецком языке, как в плане практическом, так и с позиции теоретического обоснования. Вследствие этого авторы настоящего сообщения поставили перед собой задачу рассмотреть понятие «орфоэпия» в целом и описать те комбинаторные изменения, которые присущи именно турецкой речи.

Орфоэпия – это область знания, которая: 1) ведает различными речевыми проявлениями, которым подвергаются звуки внутри слова или словоформы (например, в турецком языке в слове *gelecek* в середине слова произносится [i] вместо [e]), 2) исследует нормативно-принятые свойства супraseгментных единиц, т.е. интонации и ударения, которое в турецком языке носит смыслообразующий характер, например, *vürta* ‘не бей’ и *vürtá* ‘битьё’. Таким образом, орфоэпия связана с речевыми процессами, изучая и анализируя которые можно сделать выводы относительно нормативного произношения. Орфоэпия регистрирует происходящие в процессе говорения различные изменения звуков, которые входят в состав слов.

Изменения звуков в потоке речи, которые возникают в результате их взаимного влияния, называются **комбинаторными изменениями**. Среди них наиболее значимыми можно признать ассимиляцию, диссимиляцию, аккомодацию, а также явления эпентезы и дизрезы.

Наиболее яркими можно признать примеры такого произносительного изменения, как **аккомодация**. Для турецкой речи существенным является влияние звука [y] на предшествующую гласную в глагольных словоформах, когда на стыке морфем перед согласным [y] широкие гласные [a] и [ɪ]

практически не употребляются, обычно переходя в узкие: /a/ переходит в /ı/, /e/ – в /i/.

dene- + yor => deniyor

ağla- + yor => ağlıyor

Кадырова О.М. (к.ф.н., младший научный сотрудник
Института Востоковедения РАН, г. Москва)

СЕРИАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Сериальные глагольные конструкции (СГК) – интересное и спорное явление языка. В XIX в. исследователи африканских языков обратили внимание на синтаксически неделимые сочетания двух или более глаголов, в которых закодировано только одно событие. Со временем другие исследователи обратили внимание, что подобные конструкции есть во многих языках мира. Однако особенности репрезентации СГК в разных языках привели к формированию различных представлений об этом явлении. В частности, Х. Риис и А. Айкхенвальд говорят, что данные глагольные сочетания не содержат маркеров связи, но в тюркологических исследованиях И. Айдемира, П.В. Гращенкова, Э. Хирика к таковым относят конструкции с аффиксами деепричастий. Мы сопоставили мнения тюркологов, изучили языковой материал и пришли к выводу, что к турецким СГК относятся:

1. Два глагола, передающих одно событие и представляющих синтаксическое целое: *oldu bitti* ‘готово’
2. Два глагола, связанных морфологическим показателем и передающих одно событие: *ezip çiğnemek* ‘подавить’, *ölüyazdı* ‘взял и умер’.
3. Один глагол, передающий два или более действий: *ürkme* ‘испугаться и вздрогнуть’.

Некоторые СГК подвергаются процессу лексикализации и фразеологизации: *çekyat* ‘диван-кровать’, *oldu-bitti* ‘лишь бы отделаться’.

ЧУВАШСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ У МОЛЬКЕЕВСКИХ КРЯШЕН

Татары и чувашаи долгое время жили соседями, в результате имели не только экономические и повседневные отношения, но и взаимное влияние языков. У молькеевских кряшен, проживающих в Татарстане на границе с Чувашией употребляются чувашские заимствования, относящиеся к различным отраслям жизнедеятельности, среди которых можно выделить названия дней недели: тунди кен (понедельник), утлари кен (вторник); продукты: кэкэй (мясо // мясной); свойства: чапле (хороший, красивый), кукша (лысый), чылай (давно); мифический персонаж кырсут (домовой) и др. Слова проанализированы в сравнении с чувашскими эквивалентами: тунтикун, ытларикун, какай, чаплă, кукша, чылай, хёртсurt и т.д.

У молькеевских кряшен одежда и украшения также похожи на чувашские: такыя, тастар, тастар яулыгы, ак калфак, кашпау и др., однако их названия заимствованы из других языков, лишь кашпау является тюркским словом. Рассмотрев основные головные уборы молькеевских кряшен, можно сделать вывод о том, что они являются древним элементом одежды тюркских народов Среднего Поволжья, Приуралья и имеют соответствия в чувашском языке: такыя / тухъя, тастар, кашпау / хушпу.

Данные языка и материальной культуры молькеевских кряшен позволяют предполагать в качестве как древних, так и более поздних этнокультурных компонентов в формировании этой группы: татарско-мишарский, чувашский низовой (анатри), поволжско-финноугорский и кыпчакско-ногайский.

ПОЧИТАНИЕ ТЮРКСКИХ МЕМОРИАЛОВ В VIII–X ВВ. ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

В раннесредневековых государствах степной и лесостепной Евразии правящую аристократию отличали не родовые или племенные, как принято думать, а лично-семейные тамги, характеризовавшие каждого и в деталях изменявшие свой вид по поколениям. Их размещение на камнях и скалах Верхнего и Среднего Енисея выявило земельные владения внутри возглавлявшегося родом Кыргыз Древнехакасского государства IX–X вв. В Центральной Азии семейно-личные тамги родов Ашина и Яглакар, вторично выбитые на стелах и скульптурах тюркских мемориалов и на уйгурском памятнике Шине-Усу, свидетельствуют, что эти объекты не раз посещались в VIII и IX–X вв. представителями как самих древнетюркских, так и последующих властителей Монголии – древними уйгурами или древними хакасами. Подтверждают это и рунические надписи на балбалах мемориалов Онгинском и Бильге-кагана, нанесенные позднее создания этих памятных комплексов. В почитании тюркских мемориалов выражалось самосознание аристократии, понимание ее сословного единства, не разделяемого национальными и государственными границами. Надо думать, все это воспринималось как изначальная особенность мироустройства.

ОБ АФФИКСАЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Этот способ словообразования имен самый распространенный в чувашском языке. Многие аффиксы, которые используются для образования именных частей речи, являются универсальными – они встречаются, как у имен существительных, так и у имен прилагательных. Так, например аффикс *-лӑх/-лӗх* способен образовывать и имена существительные, и прилагательные. Часть аффиксов словообразования, образуя производные слова, относящиеся к одной части речи, имеют способность присоединяться к исходным основам, представляющим разные части речи. Например, упомянутый аффикс *-лӑх/-лӗх*, образуя имена существительные, может присоединяться к исходным основам, представляющим как другие имена существительные, так и имена прилагательные: *юманлӑх* ‘дубрава’ от *юман* ‘дуб’, *ӑслӑлӑх* ‘наука’ от *ӑслӑ* ‘умный’. Имеется группа аффиксов, которая способна образовывать новые слова, представляющие собой только одну часть речи, а также аффиксы, производящие слова от исходных основ, принадлежащих к одной части речи. К аффиксам, образующим только имена существительные, относятся: *-ҫӑ/-ҫӗ*, *-сар/-сер*, *-таш/-теш*, *-са/-се* и др. В процессе образования производных слов немаловажную роль играет их мотивированность по отношению к исходной основе. В связи с этим не только принадлежность к той или иной части речи, но и лексическое значение исходной основы должно учитываться при создании новых слов. Например, в образовании имен существительных при помощи аффикса *-ҫӑ/-ҫӗ* принимают участие исходные основы, относящиеся к именам существительным и входящие в такие семантические группы слов, как область или вид деятельности, предметы, относящиеся к той или иной деятельности, растения или животные, являющиеся целью для сбора или охоты, различные абстрактные понятия.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРАФИКИ СОВРЕМЕННЫХ УЗБЕКОВ АФГАНИСТАНА

Часть тюркоязычных народов, проживающих за пределами т.н. «тюркского мира», использует арабскую графику в качестве основной письменности. При этом в каждом регионе имеется своя специфика, основанная на особенностях фонетической системы конкретного языка, экстралингвистическом влиянии окружающего – как правило, ирано- или арабоязычного – населения и т. д.

Объектом нашего исследования является афганский (южный) диалект узбекского языка. В современном Афганистане узбеки являются третьей по численности этнической группой, а их язык входит в число официальных языков, на нем выходит печатная периодика, издается (в небольшом количестве) художественная литература, вещают информационные каналы. Узбекские говоры распространены, в основном, на севере и северо-западе Афганистана, часть предметов в школах в этих провинциях преподается на родном языке. Между тем, узбекские говоры Афганистана продолжают оставаться малоизученными как в отечественном, так и в зарубежном востоковедении. Исследование их тем более важно, что в них сохранились языковые особенности, утраченные всеми другими современными диалектами и говорами узбекского языка. Подобные материалы могут также пролить свет на диалектную базу, некогда послужившую основой для образования чагатайского языка XV–XVI вв., и помочь в составлении более точного диалектологического атласа узбекского языка.

Носители афганского диалекта узбекского языка называют свою письменность узбекским вариантом не арабского алфавита, а графикой, заимствованной – в разной степени – из дари и пушту. Современный алфавит афганских узбеков насчитывает 35 графем.

Нами были отмечены некоторые особенности графики указанного диалекта, а также проведены параллели с письменностью чагатайского языка и узбекского языка начала XX в.

Материалом для нашего исследования послужили учебники афганских узбеков, образцы художественной литературы, изданные в Афганистане, беседы с информантами – носителями южного диалекта.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БИНОМА «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Являясь универсальным средством отражения национальной языковой картины мира, а также исторического опыта народа, особенностей его психологического склада и условий языкового развития, пословицы характеризуют людей и явления, дают им оценку и предписывают определенный образ действий. В пословичной картине мира не могла не найти отражения бинарная оппозиция «счастье – несчастье». Материалом для проведённого исследования послужила картотека татарских пословиц, собранная методом сплошной выборки из словаря «Татар халык мәкальләре» Н. Исанбета. Основное внимание уделяется татарским пословицам, противопоставляющим счастье и несчастье. Такая оппозиция является частью системы базовых моральных ценностей любого народа, в том числе и татар. В паремиологическом фонде татарского языка можно найти немалое количество паремий, в которых противопоставление репрезентируется главным образом лексемами *бахет*, *бахетсезлек*, *бахетле*, *бахетсез*, *юклык*, *ырыскал*, а контраст между счастьем и несчастьем выражается через различные жизненные ситуации: *Бахетленең сарыгы да юрга тотта, бахетсезнең эте да куян тотта алмый* ‘У счастливого человека даже овца ловит коня, а у несчастного собака не может поймать зайца’; *Бахетленең ташы ярылып, бахетсезнең башы ярылып* ‘У счастливого камень потрескается, у несчастного – голова’. Для татар характерно проявлять сдержанность в чувствах и эмоциях. Они стараются сохранять самообладание и в радости, и в горе: *Бахеткә ышанма, бахетсезлектән курыкма* ‘Не верь счастью, не бойся несчастья’. В силу своей специфики татарские пословицы стремятся к максимальной выразительности, при этом довольно часто прибегая к сопоставлению двух предметов или явлений.

Мухтаров Т.Г. (к.соц.н., научный сотрудник

Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа)

МАТЕРИАЛЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 20 – 30 ГОДОВ XX В. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В 1922 г. во всех национальных регионах молодой Советской республики были созданы Академические центры по изучению флоры и фауны, полезных ископаемых и водных ресурсов, национального состава и разговорного языка, истории и культуры местного населения. Такой центр был создан и в Уфе. Указанный центр много сделал для сбора полевого языкового, фольклорного материалов и письменных памятников башкир. Академцентр организовал научные экспедиции во все регионы не только Башкирской республики, но и сопредельных регионов с башкирским населением.

Первая комплексная экспедиция Академцентра была организована вместе с Академией наук СССР в 1928 – 1929 гг. В работе данной экспедиции приняло участие более 100 исследователей, которые в составе 17 специализированных отрядов под руководством ведущих учёных АН СССР работали в различных районах республики. Так, например, лингвистико – фольклорный подотряд академической экспедиции 1928 – 1929 гг. возглавлял известный учёный – тюрколог Н.К. Дмитриев. Участники фольклорно – лингвистического подотряда под руководством Н.К. Дмитриева работали в башкирских населённых пунктах Тамьян – Катайского кантона Башкирской республики. Ими наряду с диалектным, был собран социолингвистический материал. Для этого были разработаны специальные вопросники, в которых затрагивались вопросы, связанные с определением отношения разговорного языка населения к принятым нормам башкирского литературного языка; определением правильности и объективности пути развития литературного языка, его доходчивостью, определением задач дальнейшего развития и

усовершенствования литературного языка. Кроме этого, вопросники были направлены на анализ состояния обучения, изучения вопросов, связанных с введением русского алфавита; выяснение языка делопроизводства, деловых бумаг, переписок и др. Рассматривались вопросы функционирования языка различных этнотерриториальных, профессиональных групп населения, а также языковой политики в Башкортостане в 20 – 30-х гг. XX в.

**ЛЕКСИКА ФИННО-УГОРСКОГО И ТЮРКСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ
(ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ)**

Лексические пласты финно-угорского и тюркского происхождения составляют в русских диалектах основной массив слов неисконного происхождения. В большинстве случаев они фиксируются изолированно друг от друга, расходясь тематически и ареально. Кроме того, различен и статус этих двух иноязычных пластов в общерусской макроструктуре. Лексика финно-угорского происхождения вошла только в маргинальные севернорусские говоры со вторичным распространением в русских говорах Сибири. В стандартном языке утвердилось незначительное число слов из этой группы языков, в основном, из коми языка. В русских говорах эта лексика на материнской территории России довольно статична в пространстве, дифференцируясь ареально по различным производящим языковым (диалектным) типам, представляет большей частью лексический массив субстратного происхождения. Тюркские лексемы в общенародном языке образуют огромный пласт обычно общетюркского типа, хронологически довольно ранний. И только в русских говорах можно выделить лексические единицы, в основе которых лежит живое адстратное влияние смежных тюркских языков, которое всегда имеет ареальную привязку и возводится к конкретным тюркским языкам. Исходя из региона, можно говорить о заимствованиях в русских говорах из различных тюркских языков, причем большинство тюркизмов фиксируются по всей макроструктуре русских говоров.

Новые лексические материалы по русским говорам представляют данные, которые показывают распространение тюркизмов севернее от зоны возможных контактов, с возможным воздействием через финно-угорское посредство слово **авлек** ‘жених’ (Ярославск. обл.), ср. мар. *ävläki*, *аулаки*, *аулахий* ‘дом,

куда собирается молодежь на посиделки' из татар. *аулак öй* 'то же', при буквальном переводе 'тайный дом'.

Работа над этимологией русских диалектных слов финно-угорского происхождения (традиционно трактуемых таковыми) в ряде случаев показала, что при поиске конечного источника тюркские и финно-угорские данные иногда близки по форме и семантике, при том, что они не являются результатом взаимовлияния или древних взаимосвязей.

Нередко материал тюркского происхождения в русских говорах представляет собой многослойное явление, единица общетюркского типа, с широким распространением, обычно дополняется узко ареальными лексемами, с соответствиями в смежных тюркских языках.

Однако, если ареал такого русского диалектного слова локализован на территории севернорусских говоров, то сходство тюркских и финно-угорских материалов чаще всего не оказывает влияния на выработку этимологической версии, поскольку ограниченная дистрибуция в диалектно однотипном регионе может быть использована в качестве ее верификации.

Напольнова Е.М. (к.ф.н., доц., старший преподаватель

ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

ФУНКЦИИ ТУРЕЦКИХ ДЕМОНСТРАТИВОВ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Сложность исследования турецких демонстративов *bi*, *şu* и *o* обусловлена разнообразием их функций. Их дейктическое использование в отношении как неодушевлённых объектов, так и лиц может выражать как степень их удалённости от говорящего, так и отношение к ним; функции в нарративном дейксисе производны от функций в прямом дейксисе; в анафорической функции они выражают взаимосвязь между высказываниями, при этом считается, что *bi* указывает на антецедент, а *şu* – на постцедент. Отклонения от этого правила в художественном тексте показывают, что анафорические функции двух указанных местоимений не проистекают из их значений, а искусственно закреплены за ними в некоторых стилях турецкого литературного языка.

Использование демонстративов во временном дейксисе для указания на текущий и ближайший временной отрезки проистекает из возможности использования *bi* в прямом пространственном дейксисе в только в отношении объектов, находящихся в поле зрения говорящего. Местоимение *şu* в нарративном дейксисе наименее частотно вследствие его функции маркирования прямого диалога в пространственном дейксисе и используется главным образом для создания эффекта живой речи героев и авторских обращений к читателю.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ МАХМУДА АЛ-БУЛГАРИ «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС» (1358)

Основное содержание «Нахдж ал-Фарадис» связано с хадисной текстологией, произведение является контаминацией религиозно-этического учения с художественной формой воплощения. В произведении зафиксирован богатый библиографический материал мусульманских богословов религиозно-дидактического характера. Махмуд Булгари в своем произведении подчеркивает важность исполнения главных предписаний ислама.

Теонимия, зафиксированная в средневековом тюркоязычном памятнике, содержит значительный фактологический материал для культурно-исторического исследования становления и расцвета ислама XIII – XIV веков на территории городов Золотой Орды, следовательно, представляет значительный интерес не только для лингвистов, но и для историков, культурологов, этнологов.

Лингвистическое описание теонимов, дошедших до нас в тексте памятника, позволило раскрыть соотношение мусульманских и языческих религиозных понятий, преемственность культурных традиций тенгрианства, дополнить сведения о взаимодействии и взаимовлиянии культур народов. Выявлена значимость традиций мусульманского Востока и региональных традиций в формировании религиозной мысли мусульман Поволжья в золотоордынский период. Употребление в произведении тюркских наименований Всевышнего объясняется тем, что в период становления ислама в Золотой Орде автор «Нахдж ал-Фарадис» осознанно сохранил ряд региональных лексем, способствующих распространению и укреплению ислама в Поволжском регионе. Махмуд Булгари, оставаясь в рамках традиционной мусульманской концепции, внес свой вклад в разработку

теонимической лексики, свойственной для Поволжского региона в период Золотой Орды.

Н.К. ДМИТРИЕВ И ВОПРОСЫ ТУРКМЕНСКОЙ ФОНЕТИКИ

Отрадно заметить, что в жизни одного из виднейших тюркологов мира Н.К. Дмитриева имеются страницы, связанные с Марыйской областью Туркменистана. В 1930 году под руководством молодого (32-летнего) ученого в этом регионе работал лингвистико-фольклорный отряд экспедиции АН СССР, исследовавший разговорную речь и фольклор.

Результаты экспедиции нашли свое отражение в статье Н.К. Дмитриева «Язык туркменских сказок Марыйского района». В ней он определил: 1) не характерность наличия губно-губного **Ф** в речи данного говора и замена **Ф** в заимствованных словах на глухую взрывную **Р** (*капу́р* ‘гяур’, *tüpöň* ‘ружьё’); 2) отсутствие в языке зубных **S**, **Z** и наличие межзубных **θ** и **ð**; 3) щелевой характер взрывных **в** и **g** звуков в середине слов между гласными (*oba* ‘село’ > оба; *eger* ‘если’ > *eýer*); 4) ассимиляции согласных **ç+j**: (*içjek* ‘буду пить’ как [ʃʃ]); **t+s**: (*yatsa* ‘если он ляжет’ → [yássa]); **s+t**: (*usta* ‘мастер’ → [ussa]); **z+d**: (*gyzdan* ‘от девушки’ → [gyýzzan]); 5) огубление широких гласных **а**, **е** во втором слоге при наличии губных гласных в первом: *çörök* ‘хлеб’, *börök* ‘пельмени’, *möjök* ‘волк’, и нарушение этого правила в позиции конечного открытого слога: *boldy* ‘имеется, был’, *ogly* ‘его сын’, *sözi* ‘его слова’ и т.д.

Огромное значение имеют статьи Н.К. Дмитриева «Долгие гласные в туркменском языке» и «Долгие гласные в якутском языке», в которых определено наличие индивидуальных особенностей долгих гласных в данных языках и уточнены исторически *первичность и вторичность* их образования.

Н.К. Дмитриев определил теоретическую важность фонологических противопоставлений всех гласных туркменского языка, указывая на то, что долгота-краткость является основным дифференциальным признаком гласных в туркменском языке.

Оганова Е.А. (к.ф.н., доцент кафедры тюркской
филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва),
Йылмаз М. (к.ф.н., старший преподаватель кафедры тюркской
филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

ЛЕКСЕМЫ «ЧЕЛОВЕК» И «ЛИЧНОСТЬ» В ТУРЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОБЪЕКТ ДВУСТОРОННЕГО ПЕРЕВОДА

В турецком языке для передачи значения «человек» используется несколько различных лексем: *insan*, *adam*, *kişi*, *fert*, *şahıs*, *zat*, *biri*. Для передачи значения «личность» – лексем *birey*, *biri*, *kişi*, *kişilik*, *şahıs*, *zat*.

В исследовании сделана попытка установить семантические границы каждой из указанных турецких лексем, выявить случаи их синонимического употребления, определить основные коллокации, в состав которых они входят, а также разработать общие правила перевода этих лексем с турецкого на русский язык; второй задачей исследования является проанализировать особенности перевода с русского на турецкий язык лексем «человек» и «личность».

Особый акцент делается на семантическом разграничении лексем *insan* и *adam*, а также лексем *adam* и *erkek*, неправильное использование которых является одной из самых частотных лексических ошибок среди изучающих турецкий язык в вузах. Отдельно рассматриваются случаи, когда лексема *adam* переводится на русский язык без обращения к соответствующим лексемам русского языка (например, в высказывании *Adama bak* 'Посмотри-ка на него').

Данное исследование может быть полезно в практике преподавания турецкого языка как иностранного на различных этапах его изучения, в том числе, и на старших курсах языковых вузов в силу того, что в него включен анализ большого количества коллокаций, в состав которых входят данные лексем, а также для теории перевода с турецкого/на турецкий язык, прежде всего, в области перевода как художественной литературы, так и фильмов и

сериалов – последний вид перевода является в настоящее время наиболее востребованным.

К ВОПРОСУ О МЕЖСТИЛЕВОМ СТАТУСЕ ЖАНРА ПИСЬМА (ХАТ) В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что при исследовании функциональных стилей любого языка одним из актуальных и в то же время сложных для рассмотрения вопросов является проблема жанра. В первую очередь, это связано с межстилевыми особенностями отдельных жанров. Изучение таких жанров применительно к конкретным функциональным стилям и их подстилям подразумевает строгую систематизацию их специфических стилистико-языковых особенностей, которые и усиливают характерные для них стилевые черты.

Жанр письма (башк. *хат*) относится именно к межстилевым жанрам башкирского языка.

Для установления места жанра хат в башкирской стилистике приведем определения роли жанра письма в литературоведении и языкознании. В литературоведении письма традиционно квалифицируют в качестве эпистолярной литературы. В языкознании, в частности, в теории стилистики письмо принято считать сугубо эпистолярным жанром. Мы, в свою очередь, не согласны с данной позицией, поскольку она ограничивает рамки функционирования жанра письма только эпистолярным стилем.

Наша позиция основана на широком обращении к жанру письма почти во всех функциональных стилях башкирского языка.

В данной связи огромное значение имеет известный документ «Письмо Батырши (1710—1762) императрице Елизавете Петровне», который является образцом жанра народной публицистики – историко-политическим, социально-экономическим и морально-философским трактатом о Башкортостане первой половины XVIII в. Он является наглядным примером того, что письму характерна своя система лексических, морфологических и синтаксических средств, которые актуализируют информативную функцию

(стандарт) и функцию воздействия (экспрессивной) публицистического стиля. Более того, данный документ можно квалифицировать и в качестве объекта исторической (диахронической) стилистики.

В докладе также пойдет речь о стиле-языковых особенностях поэтических писем просветителя-демократа М. Уметбаева (1895–1907), великого поэта тюркского мира Ш. Бабича (1895–1919), письмах-рецензиях народного поэта Башкортостана М. Карима (1919–2005) на первые сборники стихов своим молодым коллегам-поэтам, письме-хитабе народного поэта Башкортостана Р.Бикбаева (1938–2019) «Письмо к моему народу» и т.д.

Наше внимание будет сосредоточено на истории изучения письма как межстилевого жанра в башкирском языкознании.

КОНЦЕПТ «ЯЗЫК» В СТИХОТВОРЕНИЯХ РАМИ ГАРИПОВА И ЕГО ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В современной лингвистике слово рассматривается не только как лингвистическая категория, но и как концепт культуры. Содержание концепта как единицы языковой картины мира всегда национально специфично, т.е. отражает особенности культуры, мышления, психологии, менталитета конкретной лингвокультурной общности, поэтому исследование любого концепта представляет ценность для модернизации языковой картины мира.

Текстовую доминанту стихотворений народного поэта Республики Башкортостан Рами Гарипова составляет концепт “язык” (*тел*). Жизнь человека неразрывно связана с языком. Всем известно, что человек без языка, без общения не может существовать. Язык всегда воплощает своеобразие народа, национальное видение мира, национальную культуру. Постигая родной язык, человек постепенно овладевает богатством и разнообразием окружающего его мира от конкретных, материально выраженных предметов и элементарных поведенческих норм до абстрактных понятий и закономерностей мироздания. С помощью языка осуществляется процесс социализации личности, т.е. приобщение ее к культурным ценностям общества: к истории, судьбе родного народа и человечества в целом.

В поэтических произведениях Рами Гарипова народ и язык рассматриваются как единое целое, одно неотделимо от другого. Поэт акцентирует наше внимание на то, что наш язык будет существовать до тех пор, пока мы будем жить и творить.

Большое количество фразеологических единиц с компонентом *тел* свидетельствуют об отношении народа к языку: *тел аскысы* ‘дар речи (слова)’, *тел айланмай*, *тел бармай* ‘слова не идут (не шли) с языка, язык не поворачивается (не повертывается, не поворотился)’, *телде аркыры теишлән*

(*сабыу, йүгерерү һ.б.*) ‘высунув язык (бегать, убегать и т.п.)’, *телде йотору* ‘проглотить язык’ и др.

Языковыми средствами репрезентации концепта “язык”, выявленного на материале стихотворений Рами Гарипова, являются:

а) лексические (*ер* ‘земля’, *халык* ‘народ’; *хыял* ‘мечта’, *фекер* ‘мысль’);

б) морфологические – имя существительное (*акыл* ‘ум’, *белем* ‘знание’, *ижад* ‘творчество’, *хәтер* ‘память’), имя прилагательное (*акыллы* ‘умный’, *һаләтле* ‘способный’, *аңлы* ‘сознательный’), имя числительное (*беренсе* ‘первый’, *икенсе* ‘второй’, *өсөнсө* ‘третий’) и др.

в) синтаксические – сложносочиненные предложения (*Халкым теле миңа – хаклык теле, унан башка миңең илем юк* ‘Язык моего народа – язык правды, без него нет моей страны’) и др.

Таким образом, концепт “язык” является одним из основных в стихотворениях Рами Гарипова. Выявив комплекс способов семантизации концепта “язык”, репрезентирующего интеллект, можно определить национально-специфические факторы, особенности менталитета башкирского народа.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПО БАШКИРСКОМУ ЯЗЫКУ, ИЗДАННЫЕ В 1920–1930 ГОДАХ

Как известно, в 1920–30 гг. прошла обширная языковая реформа. Начались интенсивные научные изыскания в области орфографии, лексикологии, диалектологии и терминологии народов СССР, в т.ч. и башкир.

За этот короткий период письменность пережила несколько переходов в графике. Сначала в 1924 г. был создан обновленный башкирский алфавит на основе арабской графики, в мае 1928 года язык был переведен на латиницу – Яналиф. Эти изменения выдвинули перед государством необходимость новых исследований в области национального языкознания. Здесь мы можем указать на такие издания, как “Башкирская азбука” Н. Тагирова (Уфа, 1924), “Новый башкирский алфавит (Уфа, 1927) и др.

В эти годы организуются комплексные фольклорно-лингвистические экспедиции (Н.К. Дмитриев, З.Ш. Шакиров), большими тиражами издаются учебники, двуязычные, орфографические и терминологические словари. Например, “Башкорт теленең имлә һүзлеге” (1930; “Башкирский орфографический словарь”) Г. Давлетшина в объеме свыше 10 тысяч слов был предназначен для учащихся начальных и средних школ и был издан четырехтысячным тиражом.

Учебники и учебные пособия представлены книгами “Башкирская грамматика” (Уфа, 1925), “Орфография башкирского языка” (Уфа, 1934), “Стилистика” К. Даянова (Уфа, 1939), “Грамматика. Синтаксис” (Уфа, 1935) и “Знаки препинания в башкирском языке” К. Ахмерова (Уфа, 1936 “Башкирский язык. Грамматика и Правописание” Х. Зиннатуллиной (Уфа, 1939), “Учебник башкирского языка. Грамматика и правописание” У. Х. Хуснутдинова (Уфа, 1939), “Практический учебник башкирского языка”. Первая книга З. Шакирова (Уфа, 1928) и др.

“Книга для чтения” Ф. Максютовой (Уфа, 1935), “Книга для чтения” Ю. Гареева (Уфа, 1939) и др. предназначены как пособия для (дополнительного) чтения.

В художественной литературе и публицистике выделяется отдельное направление – переводы трудов классиков марксизма-ленинизма на башкирский язык, находящиеся под прямым контролем обкома КПСС, которое косвенно оказало определенное влияние на развитие литературного языка. В периодической печати постоянно выходят научные статьи, посвященные различным проблемам башкирского языка.

Буквари представлены следующими изданиями: “Новая школа” (Уфа, 1927), Аюханов З. “Букварь” (Уфа, 1933), Кульбеков З. “Букварь для взрослых” (Уфа, 1936), Гареев Ю. “Букварь” (Уфа, 1939).

Таким образом, эти учебники, учебные пособия и буквари в полной мере отражают особенности становления и интенсивного развития современного башкирского языка. В настоящее время многие из них сохранились в единичных экземплярах.

*Субраков А.Д. (старший научный сотрудник ЦНПО
ФИРО РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва)*

ЛЕКСЕМА «ХАРАХ» В ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХАКАССКОГО НАРОДА (НА ПРИМЕРЕ ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «АЛБЫНЖИ»)

Соматическая лексика является одной из универсальных лексических групп в любом языке. Отечественные и зарубежные лингвисты в своих работах обычно выделяют эту лексику «первой в лексико-тематической системе любого языка».

Соматическая лексика составляет значительную по объему группу в хакасском языке. Богатый материал этой лексической группы, представленный в фольклоре и диалектах хакасского языка, является одним из первых источников пополнения лексики литературного языка. Среди выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений особое место занимают героические сказания. Исследования героического эпоса хакасского народа позволяют выявить своеобразную «картину мира» этноса. В устно-поэтическом творчестве хакасского народа особое место занимает героическое сказание «Албынжи», рассказанное замечательным хайджи С.П. Кадышевым.

На материале героического эпоса «Албынжи» методом сплошной выборки были выявлены 627 соматических единиц, которые были распределены с точки зрения их частотности. Лексема *харах*, обозначающая человеческие глаза и зрение, самая многочисленная, она встречается 168 раз. Лексема *харах* 'глаза' в фольклорном произведении:

1. Служит для получения богатырем информации об окружающем мире.
2. Показывает портрет героя.
3. Отражает эмоциональное состояние человека: радость, гнев или беспокойство героев произведения.
4. Является символом движения, скорости богатырских коней.

5. Выступает обозначением ущербности человека.
6. Показывает бессилие человека.
7. Является символом жизни или смерти человека.

*Султанова Г.И. (зам. дир. по учебной работе
ГБПОУ РБ БХК им. Р. Нуреева, г. Уфа)*

РАЗВИТИЕ РЕЧИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО В КОЛЛЕДЖЕ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ 6 КЛАССА)

Преподавание башкирского языка как государственного в условиях ГБПОУ Республики Башкортостан Башкирский хореографический колледж им. Р. Нуреева имеет свою специфику. Эти уроки традиционно носят комбинированный характер, т.е. обучающиеся, наряду с основами теории и разговорной практики башкирского языка, получают знания по истории и культуре Башкортостана.

В связи с этим нами была составлена «Рабочая программа по учебным дисциплинам «Башкирский язык», «История и культура Башкортостана» для обучающихся 2/6 класса» (статус – общеобразовательная дисциплина). Программа учебной дисциплины является частью основной профессиональной образовательной программы в соответствии с ФГОС по специальности (специальностям) СПО «Артист балета», «Артист балета ансамбля песни и танца, танцевального коллектива». В соответствие с ней, общее количество часов составляет 72, а при этом 36 часов запланировано еще и на самостоятельную работу обучающихся.

Обучающиеся в течение учебного года должны будут получить знания: 1) по народному творчеству; 2) по литературе; 3) декоративно-прикладному искусству. Вся эта учебная информация отражена в одиннадцати тематических разделах: например, «Духовная и материальная культура»; «Исторический Башкортостан»; «Башкирское народное творчество» и т.д.

В рамках каждого раздела изучается лексика, учащиеся заполняют свои словари-минимумы, а также изучают основы грамматики (например, «Имя существительное. Падежи»; «Виды предложений»; «Чередование согласных»; «Категория принадлежности»; «Имя прилагательное» и т.д.

Развитие речи предполагает работу над устной (монолог, диалог) и письменной речью (мини-сочинение, мини-рассказ). Также серьезное внимание уделяется и аудированию башкирских текстов.

В докладе детализируются методы обучения вышеназванным видам речи с учетом специфики башкирской грамматики и фонетики.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА СЛОВ С СЕМАНТИКОЙ ‘ПЛАЧ’ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

В туркменском языке слова с семантикой ‘плач’ образуют словообразовательные гнезда, в центре которых стоят такие основы, как *agy* ‘плач’, *ah* ‘воплъ, стон, плач’, *bagyr-* ‘жалобно плакать; рыдать’, *boýurda-* ‘литься, капать, течь (о слезах)’, *bozla-* ‘громко плакать, рыдать’, *bögür-* ‘реветь, громко плакать’, *çyrla-* ‘громко плакать с надрывом (о ребенке)’, *eñre-* ‘плакать, рыдать; вопить’, *girýan* ‘плачущий, рыдающий’, *horkulda-* ‘всхлипывать’, *izzilde-* ‘ныть, пищать (о ребенке)’, *jägilde-* ‘плакать, кричать (о новорожденном ребенке)’, *lägir-* ‘реветь’, *möññür-* ‘реветь, рыдать’, *orla-* ‘громко плакать, реветь; вопить; причитать’, *pygan* ‘воплъ, крик; стон; рыдание’, *soja-* ‘плакать’, *uwla-* ‘плакать в голос; реветь’, *waý* ‘ой; а’, *yzla-* ‘плакать, хныкать, ныть (о ребенке)’, *ýaş* ‘слеза’, *ýygla-* ‘плакать’, *zar* ‘рыдание; жалобный вопль; сетование’, *zörlet-* ‘громко плакать, реветь; голосить’.

Самой продуктивной основой является *agy* ‘плач’, от которой образовались: *agysy* ‘плакальщица’, *agla-* ‘плакать’, *agylar* ‘причитания’, *agy etmek* и *agysyny aglamak* ‘оплакивать кого-л.’ и др.

Интересны и словосочетания, связанные с данной семантикой: *ses et-* ‘оплакивать кого-л.’, *gan agla-* (*ýygla-*, *eñre-*) ‘горько плакать’, *gözüñi sykur otur-* (*dur-*) ‘плакать от бессилия’, *gününe (halyna) it agla-* ‘жить в страданиях’, *öz agyňy agla-* ‘самим заботиться о себе’, *saç ýaý-* ‘оплакать кого-нибудь, распуская косы’, *ýakaňy çäk et-* ‘сильно страдать, вопить’ и *ýaka ýurt-* ‘рвать на себе волосы’.

Сложное слово *gözýaş* ‘слезы’ входит в словообразовательные гнезда: *göz* ‘глаз’ и *ýaş* ‘слеза’.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ОПИСАНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (СТОИТ ЛИ НАМ СОЗДАВАТЬ «НОВУЮ ГРАММАТИКУ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ»?)

На протяжении всех лет изучения тюркских языков грамматические вопросы решались, в основном, исходя из уже разработанных теоретических мнений и положений. Как правило, такие положения вырабатывались исследователями языков разного структурного типа. Не умаляя значения известных языковедческих традиций (античная, европейская, индийская и китайская языковедческая традиция) мы, однако посмеем высказать мнение, что полученные в результате многолетних исследований тюркских языков выводы зачастую не могут соответствовать, а иногда противоречат устоявшемуся в языкознании мнениям.

Одним из примеров такого противоречия, можно назвать сформулированное в отечественном тюркском языкознании понятие «абerrации залога» (термин Михайлова М.С. - *ННТ*). в турецком языке. Абerrация понимается как «...отклонения от нормы в отношении переходности и непереходности, так и вызванные этими отклонениями необычные случаи управления падежами». Нетрудно понять, что имеются в виду «отклонения от нормы» русского языка и необычные с точки зрения носителя русского языка падежные формы глагольных дополнений в турецких дополнительных конструкциях.

**SYNTACTIC FUNCTIONS OF NON-FINITE VERB FORMS
IN TURKISH, MONGOLIAN AND HUNGARIAN**

Altaic and Uralic languages constitute one typological area as points out, inter alia, Janhunen. However, the syntax of the majority of these languages has changed under the influence of certain Indo-European languages. Since the syntactic structure of the Turkish and Mongolian languages has changed least, they have great importance from the viewpoint of comparative Hungarian syntactic research.

One of the typical features of the Altaic languages is the vast number of non-finite verb forms, which play an important role in the formation of subordinative constructions. The quantity of Indo-European-type complex sentences in Turkish and in Mongolian is insignificant. The main method for the expression of subordinated relations at syntactic level is the application of participial and gerundial phrases. Although the Indo-European-type dependent clauses have a great role in the present Hungarian syntax, the participial and gerundial phrases are also applied.

By their syntactical function the infinite phrases can be the attributive, adverbial, objective, subjective and predicative ones. The most productive method is the formation of the attributive constructions, and the most diversified one is the formation of the adverbial constructions, first of all the temporal ones.

The most widespread constructional elements of the Turkish and the Mongolian non-finite constructions are identical, and often the principle of formation of constructions is the same. Even if the quantity of non-finite constructions in contemporary Hungarian is not so significant as in Turkish and Mongolian, there are constructions which are analogical to Turkish and Mongolian ones, e.g. in all three languages exists the antecedent construction *after that*, which consists of a perfective participle suffix plus a postposition with meaning *after* (t. *-DiktAn sonra*, m. *-s(A)nAAs xojš*, h. *-tA után*).

In Turkish and Mongolian the sentences involving an infinite phrase can be same-subject or different-subject ones; the separate subject of a construction is primarily formed by accusative case suffix in Mongolian, and in by genitive case suffix Turkish. In present-day Hungarian, the application of different-subject sentences is sporadic.

*Учгюль С. (д.ф.н. проф. Университета Эрджиес,
г. Кайсери, Турция; лектор РУДН, г. Москва)*

Гибаева М.А. (магистрантка ИСАА МГУ, г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ТУРЕЦКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Цель доклада состоит в подробном рассмотрении проблем, возникающих при переводе на русский язык фразеологизмов в турецких общественно-политических текстах. В связи с тем, что фразеологизмы составляют значимую часть турецкого газетного дискурса, в докладе подчеркивается необходимость более углубленной работы переводчика не только над грамматикой, но и над лексикой (речевыми клише, политическими терминами и понятиями, фразеологизмами).

Учитывая, что родной язык является целевым в газетном переводе, переводчику важно владеть политической терминологией, а также культурными особенностями и выражающими их словосочетаниями, особенно образными значениями, идиомами и эвфемизмами.

Используемые в исследовании методы включают в себя: методы теоретического анализа и синтеза, сравнительный и контекстуально-стилистический анализ, индуктивный и дедуктивный методы.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЧУВАШСКИХ ГЛАГОЛОВ В ЧЕБОКСАРСКОМ РЕГИОЛЕКТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Значительное чувашское влияние на русский язык в настоящее время проявляется в речевой практике носителей чебоксарского региолекта. Можно утверждать, что чебоксарский региолект представляет собой разновидность металекта, выделяющуюся номенклатурой конкретных языковых единиц с высокой частотностью в речи, в свою очередь предопределенной чувашским субстратом. Вместе с тем литературная сущность чебоксарского региолекта не опровергает активного функционирования в нем и элементов нового просторечия. В частности, просторечным маркером речи жителей Чебоксар следует признать использование чувашских глаголов в русском грамматическом оформлении, ср.: *юрла-* ‘петь’ = *юрлахать*; *кил-* ‘идти’ = *килехать*.

Использование чувашских глаголов в русской речи предполагает знание собеседниками чувашского языка. Смешение языков в рамках лексической единицы придает общению неформальную окраску и юмористическое звучание. Иногда чувашский глагол используется взамен забытого русского слова или же осознается в качестве аксиологического маркера чувашеговорящих коммуникантов.

Само включение чувашских глаголов в русскую речь реализуется в виде замещения русских глаголов чувашскими аналогами в их русском грамматическом оформлении: чув. *юрла-* + *-ax* + рус. *-a-* + *-ть*; чув. *кил-* + *-ex* + рус. *-a* + *ть*.

В чувашской части сохраняется сингармонизм, в русской находит выражение лишь одна фонетическая форма на *-a* + *-ть*.

Русское оформление финальной части позволяет практически безгранично использовать все глаголы чувашского происхождения в русской

речи по правилам принимающей грамматики, ср.: *юрлахать* – *юрлахаю* ‘я пою’, *юрлахаешь* ‘ты поешь’, *юрлахал* ‘пел’, *юрлахающие* ‘поющие’ и т. п.

Хабибуллина Э.К. (к.ф.н., доцент, декан Высшей школы международных отношений и востоковедения ИМО К(П)ФУ, г. Казань)

**ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ КАК ПРИЕМ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК
(на примере переводов романа Ч. Айтматова
«И дольше века длится день»)**

Реализация любого перевода предполагает контакт двух разных языков и культур, которые представлены двумя текстовыми произведениями. Один из них воспринимается в изначальном виде, а второй воспроизводится для читателя переводчиком. При этом происходит взаимодействие и взаимовлияние вовлеченных в коммуникативный процесс языков. В процессе выполнения перевода сталкиваются различные культуры, встречаются различные складывания мышления, пересекаются разные литературы. Все это реализуется в процессе взаимодействия разных языков.

В настоящем исследовании предприняты попытки анализа переводных текстов произведений Ч. Айтматова (на примере романа «И дольше века длится день») на русский язык на предмет выявления переводческих трансформаций, а именно приема генерализации. Актуальность данного исследования обусловливается увеличением числа художественных переводов в последнее время, а также существующей потребностью в исследованиях и создании единой научной базы, которые бы были направлены на выявление особенностей лексико-семантических трансформаций, осуществляемых переводчиком в процессе работы. Сопоставительный лингвопереводческий анализ данных трансформаций при переводе художественных произведений приобретает особую актуальность в связи с существующей необходимостью всестороннего изучения языка художественной литературы. Также стоит отметить, что выбор объекта данного исследования объясняется недостаточной изученностью

произведений автора, произведения которого не теряют актуальности с течением времени.

**УЧАСТИЕ ПРОФ. Н.К. ДМИТРИЕВА В НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ГОРСКОГО ИСТОРИКО-
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА ИМ. С.М. КИРОВА**

В 1927 г. в г. Ростове был создан Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова. За десять лет его существования (1927–1937) сотрудники Института проделали огромную работу по изучению истории, этнографии, языков, традиционной культуры народов Северного Кавказа.

С Институтом тесно сотрудничали крупные московские, ленинградские и зарубежные ученые. [Государственный архив Ставропольского края (Далее ГАСК) Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 63. Л. 66.].

За время своей работы Институт провел многочисленные комплексные экспедиции в различные районы Северного Кавказа с целью сбора языкового и фольклорного материала. В этих экспедициях участвовал и проф. Н.К. Дмитриев. В одном из документов ГАСК говорится: «С 26 июня по 2 июля 1936 года тюркологи Н.К. Дмитриев и А.А. Сатбалов по поручению Северо-Кавказского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С.М. Кирова и Краевого комитета алфавита совершили научную командировку к кумыкам. <...> Во время командировки исследователи собрали значительные по объему материалы, не только связанные с отдельными вопросами кумыкской диалектологии, но и представляющие интерес для общего языкознания».

По этим материалам Н.К. Дмитриевым была подготовлена «Кумыкская грамматика» и статья «Кумыкские диалекты».

В 1936 г. проф. Н.К. Дмитриев участвовал и в ногайской экспедиции, которая была проведена Северо-Кавказским крайкомом нового алфавита. Работа экспедиции велась по разделам: лексики и семантики, синтаксиса;

фонетики и морфологии». Н.К. Дмитриев, изучив ногайские диалекты, вместе с сотрудником Краевого комитета нового алфавита М.К. Милых описал их и составил научную грамматику ногайского литературного языка.

В Государственном архиве Ставропольского края в Отделе рукописей хранятся Отчеты проф. Дмитриева Н.К.: Отчет о научной командировке к кумыкам; Отчет о ногайской экспедиции 1936 года и его рукопись «Очерк по кумыкскому синтаксису».

*Хисамитдинова Ф.Г. (д.ф.н., проф., чл.-корр. АН РБ, зав. отделом
языкознания, научный руководитель ИИЯЛ УФИЦ РАН, г. Уфа)*

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В «БАШКИРСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ» В.В. КАТАРИНСКОГО

«Башкирско-русский словарь» В.В. Катаринского является одной из первых книг башкирского языка на кириллице. Как отмечают исследователи, словарь базируется на двух, т.е. восточном и южном диалектах башкирского языка. Действительно, судя по представленному материалу, в словаре В.В. Катаринского присутствуют лексемы, морфологические формы, относящиеся как к восточному, так и южному диалектам башкирского языка. Однако следует отметить, что материалы «Башкирско-русского словаря» В.В. Катаринского не ограничиваются только двумя диалектами. В словарных статьях указанного памятника нашли отражение отдельные лексемы, морфологические формы, фонетические особенности, имеющие отношение не только к языку восточных и южных, но и северо-западных башкир. Таким образом, словарь В.В. Катаринского является как ценным памятником языка башкир XIX в., так и источником по мифологической лексике башкирского языка.

Словарь В.В. Катаринского включает в себя более 2500 башкирских слов, из которых 281 слово имеет отношение к мифологии. Зафиксированы названия мифологических персонажей (Албасты ‘злой дух’, Бисура ‘злой дух’ и др.); действий (*арба* ‘ворожить, заговорить змею’, *карга* ‘проклинать’); предметов (*артыш* ‘можжевельник’, *ййймә* ‘поминальное блюдо’ и др.).

С точки зрения семантики названия мифологических персонажей словаря можно разделить на 2 группы: 1) наименования мифических персонажей, 2) наименования мифологизированных персонажей.

С точки зрения происхождения названия мифологических персонажей можно разделить на 2 группы: тюркские и нетюркские названия. К тюркским

мифонимам относятся лексемы типа *кот*, *имсе*, *курэзэ* и др., происхождение которых можно восстановить как из самого башкирского, так и из других тюркских языков. К нетюркским мифонимам относятся иноязычные заимствования.

ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ И СИНТЕТИЧЕСКИХ БИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование изменений в структуре, семантике и функционировании бипредикативных конструкций (БПК) тувинского языка XIX в. до настоящего времени проводилось на материале романов современных писателей, а также текстов, записанных Н.Ф. Катановым (1903 г.) и В.В. Радловым (1866).

Основные структурные типы представлены во всех текстах анализируемого периода. В эпических современных романах отражена широкая палитра средств выражения семантического разнообразия отношений между событиями. В современных художественных текстах доминирует использование монофинитных БПК; следующими по употреблению являются сложносочиненные предложения; многочленные сложные предложения (сложные периоды) представлены в романах классиков тувинской прозы.

Морфологическую базу БПК составляют деепричастные формы, причастные формы с падежами и послелогоми. Структурные типы БПК задаются тем или иным показателем связи (причастно-падежные, причастно-послеложные, деепричастные, с формами косвенных наклонений, союзные).

Тенденция расширения фонда аналитических средств и развития бифинитных аналитических конструкций обусловлена становлением литературного языка, появлением стилевой дифференциации, новыми стратегиями построения текста. Эти процессы на территории России происходят под влиянием русского литературного языка: некоторые новые аналитические средства являются прямыми заимствованиями или кальками русских союзов и союзных слов.

В наибольшей степени тенденция использования синтетических средств связи затрагивает определительные конструкции: внепадежная форма причастия является тувинском языке единственным средством выражения релятивных отношений.

ВЫРАЖЕНИЕ «НЕДОМОГАНИЯ» В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

В нашей работе были рассмотрены три группы фразеологических единиц, отражающих три степени проявления признака, таких как «легкое недомогание – больной – тяжело больной», были выявлены группы «похудеть в результате болезни», «болезненный вид», «температурить», «обморок», «название болезни», «чувствовать боль» и т.д. Мы включили 215 туркменских фразеологических единиц в круг исследуемых трех структурных групп, отражающих больное состояние организма. Глагольные, субстантивные и адъективные фразеологические единицы рассмотрены с точки зрения компонентного анализа семантической структуры, позволяющего выделить более мелкие семантические группировки, объединяющиеся по дифференциальным семам.

Так, если мы проанализируем группу фразеологических единиц, выражающих 'легкое недомогание': *başyň agyryp, baldyryň syzlamak* 'чувствовать недомогание'; *janyňa ýaranyp bilmezlik* 'плохо себя чувствовать'; *gözüň garaňkyramak* 'потемнеть в глазах', то увидим, что данные фразеологические единицы в словарях объясняются словами и словосочетаниями *kesellemek, özüňi erbet duýup başlamak, ynjalyksyzlanmak*. Компонент *kesellemek* 'заболеть', а дифференциальная сема *başlamak* указывает на начало заболевания, т.е. легкое недомогание. Приведем пример: *Saglygyň gadyry, başyň agyryp, baldyryň syzlanda bildirer* 'Цену здоровью узнаешь, когда заболеешь'.

ФЕ *düşekde ýatmak* 'находиться в постели', *başyň ýassyga ýetmek* 'слечь', *ýanyňy ýere bermek* 'заболеть, слечь', *endam-janyň küň-owram bolmak* 'букв. разваливаться от боли' имеют аналогичную семантическую структуру.

Общему, или основному семантическому компоненту, выражающему сему 'больной', соответствует нейтральное слово *kesel, syrkaw*, а

дифференциальные семантические компоненты выражают три степени состояния болезни: недомогание (*yarawsyzlyk*) – больной (*hassa, kesel*) – тяжело больной (*agyr hassa*).

**СУБКОНЦЕПТ «ЗЕЛЕНый ЦВЕТ (ЙӘШЕЛ ТӨҢ)»
В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ М. КАРИМА И З. БИИШЕВОЙ)**

Лингвистика цвета как одно из интересных направлений отечественного языкознания считается совершенно новым для башкироведения. Цели и задачи данного направления, которых мы полностью придерживаемся, изложены в труде В.Г. Кульпиной.

Для этого нам пришлось обратиться к творчеству выдающихся представителей башкирской поэзии Мустаю Кариму (1919–2005) и Зайнаб Бииевой (1908–1996). Их поэзия является образцом для изучения концепта «Цвет (*төң*)» в башкирском языке.

Для всестороннего описания концепта «Цвет (*төң*)» в поэзии Мустаю Карима и Зайнаб Бииевой нам нужно было определиться с семантикой имени прилагательного *йәшел* ‘зеленый’ в башкирском языке.

Субконцепт «Зеленый цвет (*Йәшел төң*)» в их творчестве, в основном, употребляется в абстрактном значении. Например, М. Карим обращается к лексеме *йәшел моң* ‘зеленая мелодия’, которая передает весеннее настроение в природе (т.е. она обозначает одновременно поверхность земли и пробуждение природы), она, в свою очередь, противопоставляется другой абстрактной лексеме – *зәңгәр моң* ‘синяя мелодия’. Эта лексема передает значение свежего весеннего воздуха.

З. Бииева в своем стихотворении «Березка (*Кайын*)» обращается к индивидуально-стилистической метафоре *йәшел йәшлек* ‘зеленая молодость’.

Итак, *йәшел төң* ‘зеленый цвет’, усиливая идею молодости, дополняет субконцепт «Зеленый цвет (*Йәшел төң*)» семами *йәшлек* ‘молодость’ и *көс* ‘сила’. Все это достаточно детально представлено в поэтических источниках.

Таким образом, содержание концепта «Цвет (*төң*)» обещает быть богатым и разнообразным в содержательном плане.

СЛОВАРЬ АХМЕДА ВЕФИКА-ПАШИ «ЛЕХЧЕ-И ОСМАНИ»

Тюркские филологические словари стали объектом специальных научных исследований только в середине – второй половине XX в., когда появилось несколько десятков монографий и статей, посвященных тюркским лексикографическим трудам, и были сформулированы основополагающие идеи лексикографии как научной дисциплины.

Словарь «Лехче-и Османи» Ахмеда Вефик-паши до сих пор не становился объектом отдельного монографического исследования, имеются лишь небольшие статьи, опубликованные в журналах и изданиях по материалам научных конференций.

Ахмед Вефик-паша подготовил и опубликовал словарь «Лехче-и Османи» в период с 1873 по 1876 г. После 1890 г. он доработал «Лехче-и Османи» и опубликовал второе издание, имеющее новую структуру. В первом издании «Лехче-и Османи» Ахмед Вефик-паша привел турецкие, арабские и персидские слова без какого-либо упорядочения. Второе издание состоит из двух томов: в первой части работы даны арабские, персидские и западные слова, которые принимаются как слова собственно турецкого происхождения и заимствованные в турецкий язык; во второй части словаря приведены слова, заимствованные из арабского и персидского языков и используемые только в письменном турецком языке. «Лехче-и Османи» – первый турецкий толковый словарь, который привнес много нового в турецкую лексикологию. Следует отметить, что Ахмед Вефик-паша при подготовке «Лехче-и Османи» использовал турецкие диалекты и тексты, а также фундаментальный метод толкования турецких слов. Всего в словаре приведено 6329 слов, в том числе 45 на итальянском, 13 на древнегреческом, 12 на французском, 8 на греческом, 2 на латинском, 2 на английском, 1 на немецком языках, и по одному слову на иврите и хинди.

Ахмед Вефик-паша указал в словаре, как устранить трудности, возникающие при написании слов на османском турецком языке.

Словарь «Лехче-и Османи» Ахмеда Вефик-паши с точки зрения своего происхождения, а также принципов и методов организации его структуры и корпуса лексических единиц во многом соответствовал общим характеристикам и особенностям лексикографических трудов.

*Язмурадов А. П. (к.ф.н., старший преподаватель Туркменского
государственного педагогического института
им. Сейитназара Сейди, г. Туркменабат)*

О ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ГИДРОНИМА И НАИМЕНОВАНИЯ НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА «АМУЛЬ» (АМУДАРЬЯ)

Научные источники свидетельствуют, что тысячелетия назад на левом берегу реки Амударьи находился крупный населённый пункт Амуй, позже получивший название Чарджоу, а в настоящее время именуемый городом Туркменабат.

В отношении топонима Амуй выдвигались различные предположения, в касавшиеся вопроса о том, что является первичным – гидроним или название населённого пункта. Анализ данных, приводимых выдающимися тюркологами, позволяет предположить, что первичным является гидроним Амуй. В работах С.Е. Малова, касающихся древнетюркских памятников, зафиксировано слово *амулуг* со значением ‘мирный’, ‘спокойный’. В.В. Радлов, работая с текстами каирского варианта «Кутадгу билиг», прокомментировал существительное *амулук* с конечным глухим [к], а в своем «Словаре древнетюркских наречий» слова *амуй* и *амулук* отметил как уйгурские. Во всех словарях для слова *амуй* приводится значение ‘смирный, спокойный’, которое преимущественно используется при характеристике внутреннего состояния человека.

В образовании гидронима Амуй могли сыграть роль древние поверья тюркоязычных народов. Как известно, для того, чтобы «задобрить» природные силы, заслужить их благосклонность, тюркоязычные народы использовали названия с «располагающими», «благоприятными» семантическими компонентами, и можно предположить, что гидроним Амуй был создан в соответствии с этим принципом.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Argunşah H.E. (Prof. Dr., Erciyes Üniversitesi

Öğretim Üyesi, Kayseri, Türkiye)

KADIN EDEBİYATI KAVRAMI VE TÜRK EDEBİYATINDA KADIN YAZARLIĞIN BAŞLANGICI

Kadınlar bütün tarih boyunca yazar ve okur olarak edebiyatın her zaman içinde olmuşlar, sözlü veya yazılı olarak edebiyat sanatına katkıda bulunmuşlardır. Fakat buna rağmen edebiyatın belleğini ortaya koyan edebiyat tarihleri ve arşiv kaynakları oldukça az sayıda kadın sanatçının varlığından söz ederler. Bu durumun en önemli belirleyicisi tartışmasız kadınların toplumsal statüleridir. Eğitime, edebiyat sanatının geliştirildiği ve kayıt altına alındığı sosyal ortamlara erişememek kadınların edebiyat faaliyetlerinin görünür olmasını engellemiş veya ikinci sınıf bir edebiyat olarak değerlendirilmesine daha da kötüsü edebî üretimlerinin kaybolmasına yol açmıştır. Bu sebeple edebiyat tarihleri, kadın sanatçılara verdiği yer hatta kadın sanatçılara yönelik değerlendirmeleri açısından sorgulanmaya muhtaçtır.

Türk edebiyatında kadınların sanatçı olarak edebiyat faaliyetlerinin görünürlük kazanması dünya edebiyatına yakın bir seyir izlemiştir. Osmanlı'da 19. yüzyılın ikinci yarısında toplumun modernizasyonu için kadınların modernizasyonunun bizzat devlet tarafından teşvik edilmesi ve özellikle de eğitimin kadınları da içine alacak şekilde genişletilerek yaygınlaştırılması bu görünürlüğün güçlenmesinde önemli bir etkidir. Bu sebeptendir ki Türk edebiyatının ilk kadın yazarları eserlerinde kadın dünyasının olumsuzluklarından ve çözüm önerilerinden söz ederek modernleşme sürecinin kadınlar açısından sağlıklı gelişmesine yardımcı olurlar. Bu vesileyle modernleşme sürecini sadece

kadın gözüyle yansıtmış olmazlar, aynı zamanda yeni kadın yazarların yetişmesini ve cesaretle yazmasını da teşvik ederler. 1869'dan itibaren yayımlanmaya başlayan kadın dergi ve gazeteleri de kadınların edebiyata ve sosyal hayata katılımları açısından önemli bir zemin sunarak süreci kolaylaştırır.

Bu bildiride Türk edebiyatında kadınların sanatçı olarak varlık göstermeleri sürecinin başına, 19. yüzyıl sonlarına bakılacak, kadınların edebiyat faaliyetine katılmalarının teşvik edilmesi üzerinde durulacak ve kadınların ortaya koydukları eserlerin içeriği kadın modernizasyonuna katkıları açısından değerlendirilecektir.

*Ахмедова Ш.Н. (д.ф.н., профессор БухГУ,
г. Бухара, Узбекистан)*

ЖАНРЫ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Особое место в мировом литературоведении занимают жанры критики – модели научно-художественного мышления как системы. Одни из них веками жили как образцы эстетического и научного мышления, другие уступили место новым жанрам. Некоторые из них появились в силу требований новой эпохи и времени, получили развитие, испытали процесс синтеза, перехода одного жанра в другой и продолжают играть важную роль в развитии искусства речи.

В отечественном литературоведении эту проблему впервые стал изучать Л.П. Гроссман. Он выделяет 17 типов критических жанров. Так, жанры, составляющие основу узбекской критики XX века, состоят не только из статей, рецензий, литературных портретов и очерков, а образуют целую систему, насчитывающую более десяти видов, каждый из которых имеет в своем составе несколько внутренних форм. В узбекском литературоведении явление жанра а) проявляется как целостная система; б) имеет специальные задачи и сосредоточенность на литературной сути; в) имеет неразрывную связь с литературой; г) обладает характерными для него конкретными формами.

Исходя из этой логики, узбекские жанры литературной критики делятся на три группы по величине, размаху и охвату поставленных перед ними целей, требований художественного произведения:

1. Компактные, актуальные жанры. 2. Жанры, написанные в историко-биографическом ключе. 3. Жанры, основанные на общении: литературно-критическая беседа, литературно-критическое письмо, диспут и др.

Итак, характер критики складывается в зависимости от жизненного, идейного и литературного материала, особенностей, характерных для

каждого периода общественного развития; меняются в связи с этим и формы критики.

Валеев Р.М. (д.и.н., К(П)ФУ, г.Казань)

Валеева Р.З. (к.п.н., КИУ им. В. Г. Тимирязова, г. Казань)

Тугужекова В.Н. (д.и.н., ХГУ им. Н.Ф. Катанова, Южносибирский филиал Института истории и материальной культуры РАН, г. Абакан)

Курочкин Р.В. (ст. препод., КИУ им. В. Г. Тимирязова, г. Казань)

ПРОФЕССОР Н.Ф. КАТАНОВ – ТЮРКОЛОГ, ПУТЕШЕСТВЕННИК И ПРОСВЕТИТЕЛЬ (НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ФОНДЫ): К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ²

Профессор Н.Ф. Катанов (1862–1922) – один из выдающихся национальных ученых-тюркологов, представителей российской науки, образования и культуры XIX–XX вв. Его жизненный путь и наследие отразили важные события и тенденции отечественного и мирового востоковедения и тюркологии. Этапы его биографии и огромное творческое наследие интересны и незаурядны, поучительны и трагичны одновременно. Он стал олицетворением двух миров в России – европейского и азиатского.

Биография и наследие Н.Ф. Катанова представляют академический и особенно научно-просветительский, гуманистический интерес. Его жизнь и труды не следует воспринимать лишь в системе координат истории российского и европейского востоковедения. Необходимо принять во внимание широкий общественно-политический и социокультурный контекст развития востоковедения, в том числе тюркологии, а также российского общества и государства во второй половине XIX – первой четверти XX в.

На современном этапе актуальными остаются дальнейший поиск, изучение, систематизация и введение в научный оборот неопубликованного архивного наследия профессора Казанского университета Н.Ф. Катанова –

² **Благодарность:** Исследование выполнено при поддержке РНФ (проекты № 23-18-00406, № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

одного из ярких и колоритных национальных ученых и мыслителей российской науки, образования и культуры, выдающегося представителя хакасского народа. Исследовательская работа над архивным наследием Н. Ф. Катанова обусловлена необходимостью поиска его разнообразных рукописных материалов в архивных центрах Казани, Москвы, Санкт-Петербурга и ряда зарубежных институтов (Венгрия, Турция, Германия). Следует указать на необходимость соотнесения архивных материалов с опубликованными работами ученого. Во многом выявленное авторами архивное рукописное наследие (дневники, письма, незаконченные рукописи и др.) Н.Ф. Катанова несет на себе печать эпохи конца XIX – первых десятилетий XX в., ее общественно-политической жизни и актуальных в тот период тюркологических исследовательских направлений. Поиск и введение в научный оборот рукописей Н. Ф. Катанова позволяет выявить направления и особенности его исследовательской работы и сформировать объективную базу для подготовки академической биографии классика отечественной тюркологии.

В докладе авторов будет представлен обзор и систематизация новых архивных фондов и материалов о наследии Н.Ф. Катанова, выявленных в российских архивных и культурных центрах Казани, Санкт-Петербурга и Москвы.

*Вдовин С.С. (аспирант кафедры стран Центральной Азии и Кавказа
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)*

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

В кочевниковедении имеется достаточно большой материал, накопленный в виде различных фактов и идей. Отмечается значительное количество особенностей развития кочевого сообщества, не характерных как для земледельческих областей, так и для районов с присваивающей экономикой.

Кочевничество становится основным направлением хозяйственно-культурного развития евразийских племен, как минимум, с середины I тыс. до н.э. Выделение этой цивилизации вполне можно назвать степной революцией, которая имела не меньшее значение для человечества, чем городская или земледельческая. Кочевая цивилизация тюрков – это особый мир, отличающийся как от западной, так и от восточной цивилизации, а степной образ жизни такой же исторический феномен, как и городской, сельский, морской.

Развитие духовной культуры во многом зависит от уровня развития материальной культуры, так как развитие этих двух направлений взаимосвязаны и взаимообусловлены и между ними сложно определить четкие границы. Духовная культура направлена на освоение нематериального наследия человечества: наук, искусства, просвещения и т.д.

Духовная культура тюркских кочевых племен имеет свои особенности и специфику развития. Среди особенностей мира кочевников стоит отметить близость к природе. Кочевники, занимаясь разведением скота, большую часть времени проводили в степях и предгорьях, соприкасаясь с природным ландшафтом.

Со временем тюрки-кочевники развили в себе склонность к философско-созерцательному восприятию жизни, творческому мышлению, а также

поэтико-романтическому выражению мыслей этому, безусловно, способствовало то, что номады имели достаточное количество свободного времени.

Среди признаков и особенностей культуры кочевников стоит выделить ее «синкретичность культуры», что означает «слитность» или «нерасчленённость культуры». Синкретический — это то, что складывается из разнообразных и сложно разделяемых компонентов, когда отдельные виды искусства (например, пение и музыка, танец) существовали и развивались в единстве друг с другом.

Племена, жившие на территории степных зон в древние века (саки, сарматы, усуни, кангюй, гунны и др.), затем средневековые тюркские объединения являлись частью общевразийской культурно-этнической цивилизации. В результате постоянных внутрирегиональных миграций и территориальной экспансии кочевники знакомились с оседло-земледельческой и городской культурой, впитывая в себя ее лучшие образцы и достижения. В свою очередь, оседлое население получало возможность узнать жизнь кочевых племен, их быт и хозяйство, ремесла и т. д. Находясь в постоянном передвижении, кочевые скотоводы играли роль посредников в сближении и взаимопроникновении различных культур.

Таким образом, сближение, взаимодействие и взаимообогащение кочевых и оседлых культурно-хозяйственных цивилизаций было магистральной линией культурно-исторического процесса.

НОВАЯ ТРАКТОВКА ИДЕЙ ТУРКМЕНСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ «БОВЕНДЖИК»

Туркменская народная сказка «Бовенджик» является одной из самых известных сказок среди населения, рассказываемых с младенчества. По сей день в учебниках, пособиях, детских сценариях и композициях содержание фантастической сказки «Бовенджик» толковали такими понятиями, как «жадность», «ненасытность», «алчность».

С точки зрения современного литературоведения аллегорические образы, символические понятия помогают решить важные проблемы эпохи глобализации. На самом деле, чтобы ответить на вопрос: «Кто такой Бовенджик, что за образ?», следует обратиться к словарям туркменского языка. В них находим: данное слово имеет значение ‘сычуг’, что является последним, четвертым отделом сложного четырехкамерного желудка жвачных животных, т.е. железистый желудок. Оживленный мифический герой Бовенджик обладает зверской силой. Говорящий на человеческом языке он проглатывает всех, кто встречается на своем пути. Когда он встречает старуху, которая предложила ему немного отдохнуть, пока она приготовит ему комеч с жиром (комеч – лепешка, начиненный выжарками или рубленным мясом и испеченная в горячей золе), попадает в ее ловушку. Разогрев как следует кочергу и воткнув ее в живот Бовенджика, старуха спасает всех героев, которых он проглотил. Таким образом, человек со своим умом и мудростью побеждает зверя – гнев. Предки туркмен с помощью небольшой сказки указали ум, мудрость, терпение как единственный путь одержать победу над черной силой, опасностью.

Система образов народной сказки «Бовенджик» – это символизированные аллегорические образы. Они мастерски описывают через художественное произведение место человека в природе, быту и жизни.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УЗБЕКСКИЙ РОМАН «АЛИШЕР НАВОИ»

В узбекской литературе есть несколько произведений, в которых художественно осмыслен образ Алишера Навои, крупного исторического деятеля, мыслителя, поэта. В частности, роман Ойбека «Навои», повесть «Бола Алишер», эпос «Навои», повесть М. Асима «Тьма — свет», драма «Алишер Навои» И. Султана и Уйгуна, роман А. Мухтара «Алишер Навои и художник Абулхайр». Среди них особое место занимает роман Исаджона Султана «Алишер Навои», изданный в 2021 г.

В романе Исаджона Султана «Алишер Навои» широко освещены жизненный путь, творческая деятельность, литературное наследие великого поэта. В целом роман И. Султана «Алишер Навои» имеет несколько характерных черт. Во-первых, роман большого объема. Он охватывает жизненный путь и художественный мир Алишера Навои. Во-вторых, в романе художественно выражены важные стороны жизни поэта. Например, в первой части произведения рассказаны такие события его детства, как поход в школу, обсуждение его первых стихов. В-третьих, роман опирается на религиозно-просветительские источники, которые легли в идейную основу творчества А. Навои. Божественная сущность поэзии Навои, уважение и любовь к человеческой личности, отраженные в его произведениях, идея прославления личности умело интегрированы в содержание романа. В романе глубоко выражена личность Навои, его художественный мир. В-четвертых, чувствуется, что писатель опирался при создании этого романа на многие исторические источники, изучал произведения, повествующие о жизненном пути великого поэта, обращался к множеству редких материалов в художественном обосновании событий. Произведение охватывает жизнь А. Навои и историю периода, в котором он жил. В-пятых, в романе ярко показаны мастерство, неповторимый индивидуальный стиль и творческий

потенциал писателя И. Султана в описании событий и художественных изображений.

ПЕРВЫЕ ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЗОРА В УЗБЕКСКОЙ КРИТИКЕ

Если обратиться к истории узбекского литературоведения, то можно увидеть, что ряд его жанров начал формироваться и создаваться в начале XX в. Наряду с такими жанрами, как рецензии, статьи, литературные портреты, создавались и активно участвовали в литературном процессе того времени литературные обзоры. Действительно, формирование литературно-критических обзоров как жанра происходит сравнительно поздно – в период обогащения литературной критики в плане содержания и формы. Литературная критика постепенно избавилась от внутренней путаницы и стала готовиться к процессу дифференциации.

Первый образец обзорной статьи в Узбекистане был впервые опубликован в газете «Туркестанские ведомости» в 1910 г. Эта статья под названием «Жизнь и литература 1909 года» имела целью познакомить туркестанцев с русской литературной ситуацией 1909 г.

В 20-е годы XX в. литературная критика, несмотря на свою молодость, играла активную роль в литературно-историческом процессе в Узбекистане. Она поднимала многие основные вопросы, связанные с развитием литературы того периода, обсуждала литераторов, писателей и их произведения, давала им оценку и тем самым влияла на развитие литературы в целом. В связи с этим жанр литературного обзора, как и жанры рецензий и критических статей, также проявлял свою активность.

«В литературном обзоре излагаются общие взгляды на изучаемое литературное явление, на основе последовательной практической-эстетической логики обобщаются литературоведческие рассуждения, относящиеся к этому литературному явлению, и делаются некоторые общие выводы».

В истории узбекского литературоведения среди первых литературно-критических обзоров также можно назвать такие статьи, как «Взгляд на шестилетие узбекской литературы» (1924 г.) А. Саади, «Узбекская поэтическая литература за шесть лет» (1924 г.) литературоведа Ашурали Захиди и другие.

*Исаев М.С. (к.и.н., старший преподаватель
Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясави,
г. Туркестан, Казахстан)*

ИСТОРИКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ МАВЗОЛЕЯ АХМЕДА ЯСАВИ

Традиция воздвигать строения над могилами усопших, существовавшая у тюрков Центральной Азии в доисламский период, частично сохранилась и после принятия ислама. Не смотря на то, что создание памятников на могилах противоречит концепции ислама, начиная с IX в. на могилах продолжили строить здания-гробницы. В Хорасане и Туркестане начиная с X в. строительство гробниц встречается все чаще. Широкое распространение строительство мавзолеев получило в XI и XII вв. в Азербайджане, Иране, Узбекистане, Казахстане и Кыргызстане. Эта традиция продолжилась и в эпоху правления эмира Тимура. На территории Казахстана наиболее известным творением эмира Тимура стал мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Он создал условия для успешного распространения суфизма среди народов Казахстана и Центральной Азии, Кавказа и Анатолии.

Специалисты, изучающие архитектуру строений города Туркестана, в первую очередь обращают внимание на их общее типологическое назначение. Однако в этом вопросе нет единого мнения. М.Е. Массон, Л.Ю. Маньковская, называют данное строение мавзолеем, тогда как М.С. Бекчурин, П.Н. Ахмеров, Н.И. Веселовский считают его мечетью, Т.К. Басенов – мемориальным комплексом, а В.Л. Воронина, Б.Т. Туякбаева, А.Н. Проскурин – ханаккой, то есть суфийской обителью. Однако каждое из указанных наименований показывают только одну из функций этого удивительного комплекса, но не раскрывают и не охватывают всех ритуалов и мероприятий, проводимых в этом месте. Основные письменные сведения о строительстве гробницы представлены в книге Шараф ад-Дин Йазди «Зафар-

наме». Согласно Шараф ад-Дин Йазди строительство здания осуществлялось для развития местной суфийской общины, кроме того облицовочный кирпич, найденный в процессе исследования раннего строения, а так же наличие в мавзолее помещений для проведения суфийских ритуальных обрядов, позволяет сделать заключение, что этот памятник играл важную роль в распространении суфийского учения Ясави. Первые исследователи памятника Н.И. Веселовский и С.Г. Маллицкий условно причисляли его к мемориальному комплексу и называли мечетью. Начиная с 80-х гг. прошлого века отдельные архитекторы и археологи стали называть его «ханака». В труде, написанном совместно Б.Т. Туякбаевой и А.Н. Проскуриным памятник определяется как ханака.

Мавзолей Ахмеда Ясави является одним из самых крупных сооружений в Центральной Азии, обладающим наиболее внушительным, сохранившимся до наших дней куполом, облицованным плиткой. Ширина здания – 46,5 м, длина – 62,5 м. Внешне симметричный, компактный план включает 35 залов и комнат. В здании имеется общественный зал, усыпальница, большой и малый зал для совещаний, библиотека, колодезная и несколько помещений для путников и паломников. Изучив архитектурный план и функциональную композицию памятника Ходже Ахмеду Ясави, мы получаем возможность сделать о нем заключение, как о культурном, духовном и религиозном комплексе суфийского направления. В этом строении проявляется прямая взаимосвязь между исламскими суфийскими понятиями и доисламскими религиозными верованиями, продолжавшими непрерывно сосуществовать в жизни кочевых племен.

EDEBİ ELEŞTİRİ TARZI HAKKINDA

Özbek edebiyatçılığında özgü bir üslubu olan birçok icatçılar vardır. Onların metodolojik özelliklerini ve yöntemlerini araştırmak, edebi çalışmaların gelişim sürecini ve ilkelerini belirlemeye yardımcı olacak. Eleştirmenin üslubunu tanımlayan özellikler şu şekilde tanımlanabilir: Eleştirmenin üslubu, hayatı yansıtan eseri, incelenen eserin konusunu, yazarın hedefi ve onu uygulamak için bir yöntem seçme ve onu sergileme biçiminde belirler.

Bütün büyük şeylerin küçük şeylerden, atomun da çok küçük parçacıklardan oluştuğu düşünülürse, eleştirmenin usulü da aynı anlamda anlaşılmalıdır. İyi betimlemenin tüm araçları bir edebiyat eleştirmeninin üslubunu oluşturmak için birleşir. Bu yüzden yaratıcı-eleştirmenin manevi dünyası, dünya görüşü, fikri, estetik ideali onun düşüncesine, her sanatsal metne karşı tutumuna yansır dersek gerçeğe yaklaşmış oluyoruz.

Edebi eleştiri, bilim ve sanat gibi iki alanın birleşmesinden oluşan özgün bir yaratıcılık türüdür. Bu düşünce biçiminde, yaratıcının her düşüncesi bir temele, bilimsel kanıtlara, bilimsel sonuçlara bilimle ilgiliyse, alınan metin yaratıcı zihnin malı olur, dünya görüşüne yansır ve onun içinde yeniden yaratılır. Düşünmenin kapsamı yeni bir sanat eserinin doğuşudur. Hiçbir gerçek sanat eseri birbirinin kopyası olmadığından, birden fazla edebiyatçı aynı metni inceleyebilir. Ancak, bazı yönlerden birbirlerinden farklıdırlar. Bu farklılık tarzlarına da yansır.

Bu farklılıkların birçok nedeni vardır: Öncelikle her yaratıcının bilimsel düşüncesi ve seviyesi aynı değildir. Sonuçta her bilim insanı, sanatsal metni kendi akademik düzeyi, anlama, okuma ve anlama çerçevesinde analiz eder. İkincisi, fark analizin amacı ile ilgilidir. Bazı bilim adamları daha çok sanatsal konularla, bazıları daha çok ideolojik konularla, diğerleri ise yaratıcı laboratuvara odaklanır. Üçüncüsü, sanatsal eseri anlamamanın ve yorumlamanın, okuyucuyu ikna etmenin anlatım yöntemi, dil araçlarının kullanımı ile ilgili bir olgudur.

Bireysel üslup, çeşitli biçim ve araçlarla kendini gösterse de, onun özelliklerini belirleyen asıl faktör yaratıcının dönemi ve ortamıdır. Yaratıcı bir dünya görüşünün oluşmasında sosyal hayat önemlidir. Ve her sanatçının ait olduğu dönemin hangi görevlerine dayandığına dikkat edilmelidir. Yaratıcının özgünlüğü, halk kültürü, edebi miras, edebi etki ile doğrudan bağlantılıdır.

Eleştirmen bedii metnin çözümlenmesi sürecinde eleştirmen, nesne olarak alınan yapıtı bahane ederek insan ve toplum, toplumsal yaşam ve karşılıklı ilişkilere ilişkin görüşlerini dile getirir ve bunların belirli yasalarını aydınlatmaya çalışır. Bu süreçte eleştirmenin bilimsel ve sanatsal düşüncesi birbirini tamamlar ve birleşir. Bu süreç, eleştirel dilin benzersizliğini yaratır. Anlatım yönteminde bilimsel dil ile sanatsal dil uyum içindedir. Bu, eleştirmenin bireysel tarzının oluşumunun temelidir.

Kısacası, eleştirmenin nesnesi yaşamı betimleyen sanatsal metin olduğu için, eleştirmenin üslubu, yaşamı tasvir eden eserin analizinde kendini gösterir. Bir yazar hayattan ilham alır ve bir eleştirmen hayatı tasvir eden bir sanat eserinden ilham alır. Yazarın dili sanatsal renkler taşıırken, eleştirmenin dili bilim ve sanatın sentezi üzerine kuruludur.

Кумманова Г.Н. (зав. отделом Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана, г. Ашхабад)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ПОЭМЕ «КУТАДГУ БИЛИК» ЮСУФА БАЛАСАГУНЛЫ

Туркменское литературоведение до настоящего времени преимущественно уделяло внимание изучению народного творчества. Много научно-исследовательских работ посвящены жанровым особенностям народного творчества и их влиянию на современную прозу и поэзию. Однако взаимосвязь народного творчества и «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунлы за все эти годы так и не стала объектом исследования. Чтобы определить место и роль этого литературного шедевра XI в. в туркменской литературе, в первую очередь нужно исследовать взаимосвязь поэмы и народного творчества.

Таким образом, мы поставили перед собой цель научно обосновать, что «Кутадгу билик» является продуктом именно туркменской художественной литературы, также определить роль и место поэмы в туркменской литературе и выявить ее взаимосвязь с произведениями народного творчества. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- изучить народные основы поэмы «Кутадгу билик»;
- рассмотреть композицию поэмы;
- проанализировать поэтику и литературные традиции поэмы;
- определить роль художественно-литературных приемов устного народного творчества как первоисточника в написании поэмы «Кутадгу билик».

Выявление в содержании поэмы традиций народного творчества позволит впоследствии вести разговор о национальной философии, психологии, нравственности туркменского народа.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАГЕДИИ

У. ШЕКСПИРА «ГАМЛЕТ» В УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Факт того, что в современном языковедении язык изучается в органической связи с его носителем, обуславливает необходимость анализа переводов творчества великого английского поэта и драматурга У. Шекспира в рамках антропоцентрической парадигмы, а также предоставляет возможность ещё глубже познать характер и сущность перевода. Театральность самой знаменитой пьесы драматурга «Гамлет» задаёт характер, прагматическую цель и когнитивный строй тексту трагедии. Исследование узбекских переводов текста данного произведения с применением новых научных методов имеет важное значение в переводоведении. В докладе сделана попытка изучить воспроизведение лингвокультурем (устойчивых единиц и выражений, лексем и фразем), свойственных английской лингвокультуре, из текста оригинала трагедии «Гамлет» в непосредственном узбекском переводе Ж. Камола.

Так, лингвокультуремы, обозначающие признаки личности, были проанализированы на основе таких сем, как: «внешность», «своеобразие характера», «морально-нравственный, душевный». В результате исследования было выявлено, что в тексте оригинала преобладают лингвокультуремы, выражающие такие признаки персонажа, как внешность, характер и душевное состояние. Итак, в английском и узбекском языках лингвокультуремы, относящиеся к концепту внешности, разделяются на положительные и отрицательные семы. Также следует отметить, что Ж. Камол воспроизвёл лингвокультуремы текста оригинала максимально точно, используя узбекские устойчивые выражения.

Образцов А.В. (к.ф.н., доцент, СПбГУ, г. Санкт-Петербург),
Сулейманова А.С. (к.ф.н., доцент, СПбГУ, г. Санкт-Петербург),
Козинцев М.А. (м.н.с. Института восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург)

ОБРАЗ БЕКТАШИ КАК АРХЕТИП ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ В ТУРЕЦКОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕРЕСПУБЛИКАНСКОГО ПЕРИОДА

В докладе речь пойдет о малоизвестном рассказе Пеями Сафа «Юная девушка, угодившая в ловушку бекташи» (*Bir Genç Kız Bektâşiler Arasında*). Этот рассказ был напечатан еще арабской графикой в 1927 г. Здесь писатель использовал свой псевдоним Сервер Беди, которым он обычно подписывал произведения развлекательного характера. Известно, что трудные жизненные обстоятельства заставляли его совмещать серьезный литературный труд с написанием книг для массового читателя. Поскольку писательство было для него основным средством заработка, Пеями Сафа был крайне продуктивен в жанрах массовой литературы. Его вклад в развитие этого направления в Турции неоценим, ведь одних только романов под псевдонимом Сервер Беди им было написано около ста сорока, в основном любовного и детективного содержания.

В исследуемом рассказе отрицательным героем выступает шейх братства бекташи. Данный прием уже использовался в известном романе Якуба Кадри Караосманоглу «Нур Баба» (*Nur Baba*). Последний выходил отдельными главами в газете «Вечер» (*Akşam*) на протяжении 1913 г., а в 1922 г. издан в виде книги и быстро приобрел широкую популярность среди читателей. В турецкой литературе Нур Баба стал воплощением коварного сластолюбца, губящего невинные женские души. Якуб Кадри намеренно вывел такой негативный образ бекташи, поскольку это соответствовало тогдашней государственной конъюнктуре. Пеями Сафа, в свою очередь, наделяет своего шейха еще более отрицательными качествами. Однако его

литературный герой приобретает «западный» лоск и поэтому остается «неузнанным» и поэтому «непризнанным» турецким читателем, в отличие от хорошо узнаваемого «ориентального» образа Нур Бабы.

*Пазилов Е.Д. (старший преподаватель Южно-Казахстанского
университета им. М. Ауезова, г. Шымкент)*

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Древний и средневековый Казахстан был не только страной кочевников, но и страной городов, которые сформировались еще в конце I тысячелетия до нашей эры.

Первый этап урбанизации связан с эпохой ранних государств на территории Казахстана. Это государство усунь Жетысу, саков Приаралья, кангюй на Сырдарье, сарматов на западе Казахстана. В это время часть дорог Великого Шелкового пути шла по старым и проложенным в Передней Азии маршрутам лазуритового пути, который был создан Ахеменидской империей и по которому впоследствии проследовал Александр Македонский.

Второй этап урбанизации – эпоха раннего средневековья VI–VIII вв. нашей эры. В политическом отношении это время древнетюркских государств: Тюркского, Тюркешского и Карлукского каганатов. В VI в. Жетысу возникают и развиваются города столичный Суяб, Тараз, на юге Казахстана – Исфиджаб, Отрар, Шавгар, в Приаралье – Жанкент. Сюань Цзянь, проехавший в 629 г. через Чуйскую долину и Южный Казахстан, называет города Аспару, Мерки, Кулан, Тараз, а Ибн Хордадбек в своих маршрутиках перечисляет города Газгирд, Манкент, Шарабхана и другие. Для этого периода развития урбанизации характерен тюрко-согдийский синтез в архитектуре, строительстве, искусстве, в развитии городской культуры.

Третий этап урбанизации связан с эпохой мусульманского ренессанса, наступившей после вхождения Казахстана в единое мусульманское культурное пространство, охватывающее территорию от Багдада до Жетысу и Восточного Туркестана. Среди общественных построек в городах этого периода следует назвать мечети, ставшие центрами духовной жизни и

доминантами городской застройки. В этот период в городах строятся бани, базары, караван-сарай. Выделяется несколько типов домов с напольными очагами, суфами, санитарно-гигиеническими устройствами – ташнау.

Четвертый, монголо-тимуридский этап развития городской культуры приходится на XIII–XV вв. Разгром городов, опустошение земледельческой полосы и степной зоны во время монгольских завоеваний отрицательно сказались на международной торговле города и степи. Однако вскоре международные торговые пути восстановились и продолжали функционировать в системе Великого Шелкового пути, одновременно с чем происходило возрождение разрушенных городов.

Пятый этап урбанизации связан с эпохой Казахского ханства, возникшего в XV в., завершается он временем присоединения Казахстана к России. Среди крупнейших городов этого времени – Сайрам, Шымкент, Отырар, Сауран, Сығанак, Сузак, Дженд. С присоединением Казахстана к России начался новый период развития Казахстана, в том числе урбанизации.

**ЗАМЕТКИ К ПЕРЕВОДУ ПОЭТИЧЕСКОГО СУФИЙСКОГО
СОЧИНЕНИЯ ЗАХИР АД-ДИНА МУХАММАДА БАБУРА
“РИСАЛЕ-И ВАЛИДИЙА” (“ОТЕЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ”)**

Сочинение Захир ад-дина Мухаммада Бабура (ок. 1483–1530) «Рисале-и Валидийа» («Отеческое послание») представляет собой поэтический перевод одноименного трактата выдающегося шейха суфийского ордена Накшбандийа Ходжи Убайдуллаха Ахрара (1404–1490). Произведение было создано в 1528 г. в Индии, в г. Агра. В этот период жизни автора в его мировоззрении и настроениях усилились мистические, суфийские элементы, что нашло отражение и в стихотворениях, созданных в те годы.

Перевод «Рисале-и Валидийа» («Валидийа») на чагатайский язык был предпринят в поэтической форме «маснавӣ» и вошел в так называемый Рампурский сборник («Индийский диван») стихотворений Бабура. Единственный список этого сборника был впервые издан английским востоковедом Денисом Россом в 1910 г., а затем стихи его, в т. ч. и «Валидийа», были включены А.Н. Самойловичем в свой труд «Собрание стихотворений императора Бабура» [Пг., 1917]. Переводы на русский язык большинства этих стихотворений были изданы впоследствии в одном томе избранных сочинений тюрколога [Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: 2005. С. 770–779], однако перевод поэмы «Валидийа» не был найден издателями в архиве ученого и не был опубликован. В связи с этим представляется актуальным выполнить новый перевод этого важного суфийского источника и значительного поэтического произведения Захир ад-дина Бабура.

«Рисале-и Валидийа» содержит 241 бейт, написанный размером «усеченный рамаль», характерным и для других стихов Бабура (маснавӣ и газелей). Перевод трактата Ходжи Ахрара состоит из пяти неравных частей: «Хвала Богу» (7 бейтов), «Восхваление Его Светлости Посланника (Пророка

Мухаммада – *А.П.*)» (6 бейтов), «Причина стихотворного изложения “Послания”» (14 бейтов), основной части поэмы, озаглавленной «Начало Послания» (212 бейтов) и «Окончания послания» (3 бейта).

Автором доклада к настоящему времени выполнен перевод первых трех частей сочинения. Представляется, что они являются плодом собственного творчества Бабура. Их отличает относительная простота и доступность как самого изложения, так и языка. Это продиктовано целью сочинения Бабура – изложить взгляды своего наставника как можно более доходчиво, что он считал богоугодным делом.

Третий раздел «Послания» содержит некоторые важные сведения о его оригинале и о переводе в стихах. В частности, утверждается, что трактат «Валидийа» был широко известен в народе, будучи составленным по поручению отца Ходжи Ахрара, чем и объясняется его название «Отеческое послание». Кроме того, Бабур старается убедительно объяснить, почему он избрал именно стихотворную форму изложения содержания «Послания». Это его объяснение перекликается с соответствующим местом в знаменитом трактате «Бабур-наме», где автор излагает причину, побудившую его приняться за свой труд.

Несомненно, перевод и дальнейшая публикация на русском языке сочинения Бабура «Рисале-и Валидийа» имеет большое значение как для дальнейшего исследования его самобытного поэтического творчества, так и для познания сути учения влиятельного и по сей день суфийского ордена Накшбандийа.

ТУРЕЦКАЯ АНТИУТОПИЯ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА А. ШАСА «БАБУИНСКИЙ РОМАН» (2004)

Айше Шаса (1941–2014) – известная турецкая сценаристка и писательница. В молодости она увлеклась социализмом и суфизмом, писала сценарии для киностудии Йешильчам. Особый успех ей принес сценарий к фильму Атыфа Йылмаза «О, прекрасный Стамбул» (Ah, Güzel İstanbul, 1966).

К писательскому творчеству А. Шаса обратилась в 1990-е гг. Она написала две книги мемуаров: «Приключение души» (Bir Ruh Macerası, 2009) и «Воспоминания из страны сумасшествия» (Delilik Ülkesinden Anılar, 2006), сборник рассказов «Дневник Йешильчама» (Yeşilçam Günlüğü, 1993), фантастический роман «Бабуинский роман» (Şebek Romanı, 2004).

«Бабуинский роман» являлся дебютным романом, хотя писательница в своих интервью и называет его повестью. В определении жанра этого произведения у турецких исследователей нет единого мнения. Одни причисляют его к научной фантастике, другие – к пародии на научную фантастику. В то же время жанровая структура произведения предельно ясна, она базируется на антиутопических принципах. В романе повествуется о будущем нашей планеты, о 2075 г. Название планеты нигде не упоминается, но о нем свидетельствуют города и страны, в которых живут или бывают герои романа (Вена, Индонезия, Гавайи, Бирма, Ближний Восток).

Цивилизация планеты, развитая в техническом отношении, оказывается цивилизацией обезьян-бабуинов: люди используют новейшие достижения науки и техники и в то же время ощущают себя обезьянами (они одеваются как обезьяны, ведут себя по-обезьянски, садятся в клетки в зоопарке вместо обезьян и т.п.). Все это объясняется теорией дарвинизма и неodarвинизма – человек произошел от обезьяны и в более развитом состоянии возвращается к своим истокам.

В этой обезьяньей цивилизации, в городе ХВ21 (бывшей Вене) власти то борются с восстаниями орангутангов, периодически поднимающими бунты, то использует агрессивных орангутангов против «недоумков» или «людей с поврежденным умом», которыми являются беженцы в Ближнего Востока, наводнившими страну из-за беспокойной обстановки у себя на родине. Беженцы работают на самых тяжелых и грязных работах (мусорщики, уборщики клеток в зоопарке, уборщики в квартирах и т.п.). Они – в основном мусульмане, настаивающие на том, что человек – творение божье, что человек произошел от Адама. Кроме того, государство с городом ХВ21 – это полицейское государство, угнетающее и собственных граждан не меньше, чем беженцев. В этом государстве любой подозрительный гражданин, не желающий выполнять бабуинские законы, считается «потенциально больным», а самые опасные и подозрительные граждане упоминаются в полицейских сводках под названием «шизоиды», они находятся под особым наблюдением властей. Любое проявление духовности уничтожается, господствует сплошной позитивизм и рационализм, что, в частности, отражается в названии городских улиц: площадь Павлова, улица Маркса, тупик Фрейда и т.п.

Главными героями романа являются три человека, мыслящие себя обезьянами – Меланхолик Бабуин Амадей, Маньяк Бабуин Архимед, Шизоид Бабуин Ре-ре. Все три героя, а также брат Шизоида Бурма и мать Шизоида, встречаются в буферном районе, в Долине Козерога, куда они бегут из города, охваченного очередным восстанием орангутангов. На лицо все признаки апокалипсиса. Апокалиптические мотивы буквально пронизывают роман-антиутопию, являясь его типологическими признаками. Выход, который автор видит из создавшегося кошмара – это возвращение к вере.

КЫТ'А В ТУРЕЦКИХ ТЕЗКИРЕ XVI–XIX ВЕКОВ

Доклад посвящен исследованию 143 стихотворений и стихотворных фрагментов, содержащихся в турецких *тезкире* XVI–XIX вв. и озаглавленных составителями *тезкире* как «*кыт'а*».

Было установлено, что по сравнению с диванами тематика *кыт'а*, помещенных в *тезкире*, не столь широка – это обусловлено практическими задачами, которые решали авторы *тезкире*, помещая в свои работы *кыт'а*.

Так, наибольшее количество таких *кыт'а* представляют собой сатирические *кыт'а* (*хиджв*), что соответствовало развлекательной функции *тезкире*. Значительная часть таких *кыт'а* представляла собой стихотворную переписку поэтов, полную взаимных уколов и остроумных обвинений. Переписка поэтов чаще всего связана с борьбой на ниве поэтического мастерства: они оценивают талант друг друга, доказывают свое превосходство и высмеивают соперников; в редких случаях поэты критикуют физические недостатки или характер своих оппонентов.

Вторыми по численности в *тезкире* являются *кыт'а*-афоризмы, которые можно отнести к аскетической лирике (*зухдийят*). Если сатирические *кыт'а* помогают раскрыть характер поэтов, высветить некоторые аспекты их взаимоотношений с современниками, то аскетические *кыт'а* по большей части представляют собой примеры творчества поэтов. В таких *кыт'а* разрабатываются традиционные мотивы жалоб на несправедливость мироздания, на «последние» времена, незаслуженное вознесение невежд и угнетение людей просвещенных. «Общим местом» в подобных *кыт'а* являются жалобы на жестокую судьбу. Зачастую мотивы жалоб на жестокий век совмещены с наставлениями друзьям (*насихат*). В некоторых случаях поэты критикуют отдельные аспекты жизни османского общества, например, обычай курить опий.

В текстах *тезкире* мы также находим ряд *кыт'а-тарихов*. В этих *кыт'а*, как правило, зашифрованы даты смерти наиболее прославленных поэтов.

В единичных случаях авторы *тезкире* помещали в тексты своих работ *кыт'а*-прошения, которые всегда связаны с каким-то случаем из жизни поэта.

Тезкире также дают представление и о так называемых «технических» *кыт'а*, принадлежавших автору *тезкире* и выполнявших функции маркера начала и окончания произведения: в начале *тезкире* помещалась похвала правящему султану, а в конце – благодарение Аллаху.

«ДРУГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» СУАТ ДЕРВИШ (1903-1972)

Известная турецкая писательница Суат Дервиш (1903-1972) побывала в СССР, как минимум, три раза: в 1937 г. по линии газеты «Тан» находилась в Одессе и Москве; в 1939 г. в составе турецкой делегации посетила Сельскохозяйственную ярмарку, и в начале 1970-х гг. приезжала получать свои гонорары за переведенные на русский язык романы и на эти деньги пройти лечение глаза. Все эти поездки можно проследить по ее воспоминаниям и публикациям. Многие исследователи отмечают, что посещения СССР в 1937-39 гг. сыграли заметную роль в изменении мировоззрения писательницы, создававшей до этого в основном произведения в романтическом духе. Журналистская деятельность 1930-х гг., работа в таких газетах левого толка, как «Тан», и поездки в Советский Союз сблизили Суат с простым народом, она восприняла социалистические идеи, и на первый план в ее творчестве вышла социальная идентичность.

Эти две командировки С. Дервиш в СССР совпали с периодом наиболее интенсивных контактов с иностранцами, когда Интурист и ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей) принимали рекордное количество гостей и делегаций. По статьям писательницы несложно проследить и деятельность этих организаций.

В 1944 г. вышла ее брошюра «Почему я друг Советского Союза?», привлекая большое внимание турецкой публики и сразу ставшая мишенью как для туранистско-тюркистского сегмента общества, так и сторонников власти. Здесь она выступила как смелый антифашист и борец за демократические преобразования в Турции.

В 1970 г. в Москву С. Дервиш приехала уже в пожилом возрасте, но даже тогда власти не хотели выдавать ей загранпаспорт. После операции на глаза она встретила не только с читателями, но и с переводчиком своих романов и старым другом Р. Фишем.

ТУРЕЦКАЯ ОБРЯДОВАЯ КУХНЯ

Обрядовая кухня каждого народа формируется в зависимости от условий его проживания и отражает во многом сельскохозяйственный уклад. С развитием общества и укреплением религии в нем религиозная подоплека в формировании кулинарной традиции народа играет все большую роль. В наше время происходит обратный процесс, связанный с глобализацией, когда национальное своеобразие отходит на второй план под натиском всеобщей мировой унификации различных сфер жизни общества. Вследствие этого считаем актуальным изучение национальной специфики различных сторон деятельности человека, складывавшихся под влиянием ряда исторических, географических, экономических факторов на протяжении веков.

Кулинарные традиции являются неотъемлемой частью культуры каждого народа. В жизни турецкого народа, сформировавшегося как нация на территории полуострова Малая Азия, в частности, в турецкой кухне, значимую роль сыграли византийские и мусульманские традиции, а также взаимовлияние народов, проживавших в Османской империи. Обрядовая турецкая кухня, дошедшая до наших дней, отражает преимущественно мусульманский календарь, хотя при ближайшем рассмотрении можно обнаружить более древние истоки в появлении тех или иных блюд. Обрядовая кухня является тем разделом национальной кулинарии, в котором в наибольшей степени проявляется преемственность традиции. В то же время имея в виду общую с другими народами, исповедующими ислам, календарную основу у ряда праздников турецкого народа, следует отметить, что блюда, сопровождающие празднование того или иного религиозного события, весьма вариативны по своим ингредиентам и носят отпечаток своеобразия народного быта. К тому же исследователями и путешественниками, описывавшими бытовой уклад в Османской империи,

выделяется султанская дворцовая кухня, которая имеет ряд особенностей в приготовлении тех или иных традиционных блюд.

*Сыздыкова Ж.С. (д.и.н., профессор ИСАА МГУ
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)*

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

В первой половине VIII в. после победоносной войны с Китаем, решившей проблему южных караванов, т.е. китайской платы за мир на северной границе, каган Восточно-тюркского каганата Могилян, известный под именем Бильге-каган (716–734), резко меняет линию отца и дяди, Ильтериш-кагана (687–692) и Капаган-кагана (692–716). Бильге избрал курс на смену веры, решив провозгласить государственной религией популярный тогда в Китае буддизм. Китаефильская линия встретила упорное сопротивление элиты, и Бильге вынужден был отказаться от своей идеи.

Затем тюркскую династию сменила в ставке на Орхоне уйгурская династия, ее основатель Элетмиш Бильге-каган (747–759) избирает новое направление имперской экспансии – оазисные царства Восточного Туркестана. И сын Элетмиша Бёгю-каган (759–779) обращает свой народ в манихейство. Этот новый акт выбора веры свершен им в результате соглашения с городами-государствами Таримского бассейна, где влияние и власть были в руках согдийских манихейских конгрегаций.

Именно в религиозно-мифологическом слое древнетюркской культуры выявлены системные совпадения в столь отдаленных друг от друга регионах, как Северная Монголия, Кавказ и Дунайская Мадара. Надпись Мадарского святилища упоминает верховного бога праболгар, «хан и полководец» Омуртаг почтил жертвоприношениями. Имя бога – Тангра, что вводит исследователей в мир орхонских тюрков. Совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков недостаточно для окончательных выводов о степени их близости. Праболгарский пантеон из-за крайней скудности сведений о дунайских болгарх времен Первого Болгарского царства остается не выявленным, что заставляет обратиться к племенам

праболгарского круга.

Учитывая тождество гунно-болгарского и древнетюркского пантеонов и время миграции праболгарских племен (племенной суперсоюз огузов), оставивших свою центральноазиатскую прародину не позднее V в., возможно полагать, что та сложная религиозно-мифологическая система, которую мы называем «древнетюркской», сформировалась еще до середины I тыс. н.э.

ЗНАЧЕНИЕ ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКИ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА ТЕКСТОВ ТУРКМЕНСКОГО УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Фольклор как один из видов бесценного наследия народа является и неотъемлемой частью туркменской культуры, представляя собой вместилище культурной информации самого разного содержания.

Актуальной проблемой всегда было и остаётся изучение языка фольклорных произведений, что является интереснейшей и перспективной задачей для любого исследователя. На современном этапе развития языкознания ею занимается лингвофольклористика, которая, продолжая исследовательские традиции учёных мира – представителей различных научных дисциплин, вместе с тем знакомит с новыми подходами и теориями, взглядами исследователей, стоящих в авангарде передовой научной мысли. Лингвофольклористика (термин введён в 1974 году русским учёным А.Т. Хроленко) наряду с этнолингвистикой, этносоциolingвистикой, филологической фольклористикой и др. занимается изучением языка фольклорного текста.

В туркменском языкознании лингвофольклористика является новым направлением, хотя при изучении тех или иных его вопросов, составлении различных словарей исследователи всегда обращали внимание на фольклорные произведения как на достоверные источники. Она позволяет более точно выявлять особенности языка текстов туркменского фольклора, где сохранилось огромное количество архаизмов и диалектизмов, дошедших до наших дней. Системное изучение языка текстов туркменского народного устного творчества даст возможность глубже прикоснуться к его истокам, что, в свою очередь, будет способствовать воспитанию патриотизма, облагораживанию эстетического вкуса, развитию чувства языка и выработке умения эффективно использовать имеющийся богатейший потенциал.

ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ТАНЦА КУШТДЕПДИ И ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Основу куштдепди составляет движение. Слова к этому танцу были придуманы позже. Вернее, на основе движений были придуманы слова. Для куштдепди характерно сначала исполнение движений, а затем запев газелей. Это сложное сочетание песни и танца характеризует национальную традицию.

Многочисленные источники подтверждают тот факт, что у туркмен, заброшенных волею судьбы в разные периоды истории в различные уголки света, был свой танец. К примеру, у астраханских туркмен при проведении свадебного обряда, во время посиделок гёкбёри, молодёжь поёт песни и танцует. Часть рода гараман туркменского племени салыр, переселившаяся в Китай во второй половине XIV в. в связи со сложной обстановкой в Мавераннахре, в плане культурного наследия «в известной степени сохраняли... религиозные верования и понятия, существовавшие ещё в доисламский период. Задолго до празднования Рамазана у салыров было принято исполнять традиционный танец, похожий на «зикр», который исполнялся всеми туркменами».

По мнению учёных, зикр является источником происхождения куштдепди, однако существует и противоположное суждение, по которому зикр считается одним из разновидностей куштдепди. Наличие двух противоположных рассуждений подтверждает взаимосвязь куштдепди и зикр, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что зикр продолжил своё существование – получил, можно сказать, новую жизнь, но уже под названием «куштдепди».

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА РЕКИ В ФОЛЬКЛОРЕ И ПИСЬМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ

Река – символ разлуки и мощной силы, которая разделяет и оставляет на двух противоположных берегах двух влюбленных, что весьма удачно показано на примере узбекского фольклора. Узбекская же поэзия второй половины XX в. наряду с усвоением данного своеобразия из местного фольклора смогла также расширить поэтические функции образа реки.

Так, узбекская поэзия второй половины XX в. использовала образ реки для пробуждения народа, находящегося в состоянии вынужденного забвения: образ реки олицетворял свободу. Герой узбекской поэзии завидовал бескрайности, терпению и созидательности реки. Поэт напоминал читателю о том, что в узбекской истории были люди, похожие на реки: великие люди. Душа и характер человека сравнивались с рекой, в результате чего появились новые метафоры, которые значительно усилили поэтическую художественность. Узбекские поэты, обратившись к фольклору, возлагали на образ реки все новые и новые социальные смыслы.

Можно констатировать следующие заключения предварительного характера:

- река – это один из древнейших источников творческого вдохновения узбекского народа;
- в фольклоре прослеживается преобладание образа реки в виде любви, разлуки и других сильных и значимых эмоциональных переживаний;
- в письменной поэзии XX в., как и в современной поэзии, мы видим образ реки, связанный с народом, свободой и нравственностью человека;
- в наши дни использование образа реки приобретает более глубокое значение и разнообразие. Этот образ употребляется как способ воспитания молодого поколения.

Река (вода) всегда считалась источником жизни в Узбекистане. Вместе с тем она великий источник творческого вдохновения узбекского народа. Эти вечные и разнообразные черты рек до сих помогают преодолевать разные проблемы в жизни нашего народа.

**ОРГКОМИТЕТ XXX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДМИТРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»,**

Председатель – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Репенкова Мария Михайловна** (mmrepenkova@rambler.ru)

Зам. председателя – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Оганова Елена Александровна** (ova8@yandex.ru)

Координатор – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна** (uni_philology@yahoo.com)

Секретарь – аспирант, переводчик кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Верхова Ксения Александровна** (xeni96muse@mail.ru)

**ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ XXX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДМИТРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»,**

Председатель – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Репенкова Мария Михайловна** (mmrepenkova@rambler.ru)

Зам. председателя – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Оганова Елена Александровна** (ova8@yandex.ru)

Секретарь – аспирант, переводчик кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова **Верхова Ксения Александровна** (xeni96muse@mail.ru)

Будем рады дальнейшему сотрудничеству с Вами!